

ЭЛИЗАБЕТ ПИТЕРС

ЛЕВ В ДОЛИНЕ

В переводе Аркадия
Кабалкина

18+

Элизабет Питерс

Лев в долине

Серия «Амелия Пибоди», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119790

Элизабет Питерс. Лев в долине: Фантом-Пресс; Санкт-Петербург;

2026

ISBN 9785005808622

Аннотация

Амелия с мужем и неукротимым восьмилетним сыном возвращаются в Египет на раскопки. В этот раз все идет не так с самого начала: то маленького Рамсеса пытаются похитить, то русский князь Каленищев предлагает сомнительные сделки, то представителя благородного шотландского рода находят в пещере мертвым... Амелия подозревает, что за всеми неприятностями стоит загадочный Гений Преступлений и его главная цель – леди Амелия Пибоди собственной персоной.

Содержание

Глава 1	5
I	5
II	17
III	21
Глава 2	44
I	44
II	52
III	70
Глава 3	76
I	76
II	83
Глава 4	111
I	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Элизабет Питерс

Лев в долине

*Владыка ужаса, хранитель славы,
Царь сердца всех земель.
Ты словно Сет великий и могучий
Иль лев, в долине рвущий коз.*

Глава 1

I

– Дорогая моя Пибоди, – начал Эмерсон, – что-то я не пойму, куда подевался твой интерес к жизни. Раньше он бил фонтаном, даже подойти бывало страшновато. Небо нашего супружества обычно безоблачно, а все почему? Потому что мы с тобой живем душа в душу. Немедленно доверься своему избраннику, надежде и опоре! Нет для него большего счастья, чем лицезреть твое!

Конечно, Эмерсон заготовил эту речь заранее. Я бы заподозрила его в желании поднять меня на смех, если бы не знала, что за высокопарным стилем скрывается искреннее чувство. Мы с моим ненаглядным Эмерсоном действительно жили душа в душу с нашей первой встречи в Каирском музее.

Вообще-то, с ядовитым ехидством будущего супруга я познакомилась в первые же секунды той памятной встречи. В страну фараонов я прибыла праздной туристкой, да к тому же, стыдно признаться, старой девой. И, едва ступив на легендарную землю, заразилась египтологией. Постепенно слабая хворь переросла в настоящую горячку. Но тогда, в музее, энергично отбиваясь от безжалостной критики, которую на

меня обрушил бородатый тип с пронзительно-синими глазами, я и помыслить не могла, что скоро мы повстречаемся вновь. Знакомство продолжилось в более романтической обстановке – в одной из заброшенных гробниц знаменитой Эль-Амарны.

Должна признаться, что романтической тогда была только обстановка, но никак не сам Эмерсон. Однако инстинкт мне подсказывал, что его ядовитые речи и презрительные гримасы – признаки пробуждающегося интереса. События доказали, что я не ошиблась.

Но вернемся на корабль, пересекающий лазурное Средиземное море. Мы стояли на палубе, ветер теребил волосы и одежду, а впереди уже виднелось египетское побережье, на которое нам предстояло высадиться еще до истечения дня. Одного этого, казалось бы, достаточно для восторга, но меня терзали смутные предчувствия.

Нас ждал новый сезон археологических изысканий, захватывающий и непредсказуемый. Мне не терпелось снова пробежаться по душным коридорам древних пирамид, где порхают летучие мыши, а под ногами хрустят засохшие плоды их жизнедеятельности. Я сгорала от желания заглянуть в погребальные камеры с их осклизлыми стенами...

В иное время я бы радостно предвкушала духоту, сырость и прочие изысканные наслаждения для истинного искателя древних сокровищ. Много ли женщин – особенно в конце девятнадцатого века – имеют столько поводов для блажен-

ства, как я? И что значат по сравнению с этим какие-то глупые страхи?

Эмерсон – он предпочитает, чтобы к нему обращались по фамилии, так как свое имя Рэдклифф почему-то считает женственным и жеманным, – избрал меня своей партнершей не только в супружестве, но и в профессии, которой мы оба гордимся. Эмерсон – самый умелый добытчик египетских древностей, какие только видел мир. Не сомневаюсь, что его будут чтить как родоначальника научных раскопок, откуда на нашей беспокойной планете пребудет цивилизация. И рядом с его именем по праву станет красоваться еще одно – Амелия Пибоди Эмерсон. То есть мое.

Да простит читатель мой энтузиазм! Перечисляя достоинства Эмерсона, я всегда впадаю в раж. Начинаю я обыкновенно с его ума – недаром мой супруг так и норовит при каждом удобном случае подчеркнуть, что неглуп. Но не стыжусь признаться, что не последнюю роль в моем решении стать его спутницей жизни сыграла наружность Эмерсона. Все в нем – от темных волос и высокого лба до ямочки на подбородке (сам он предпочитает именовать ее «впадиной», почитая слово «ямочка» немужественным) – является образчиком мужской силы и красоты (не знаю уж, насколько мужественно звучит для его уха последнее слово).

Мою внешность Эмерсон тоже оценивает высоко. Откровенно говоря, я никак не пойму, чем это вызвано. По-моему, женская красота – это нечто другое. Черты лица у меня

слишком острые, взгляд слишком жгучий, вместо локонов цвета солнечных лучей – воронье гнездо цвета печной сажи, а фигура слегка тоща в одних местах и слишком обильна в других. На мое счастье, Эмерсон не разделяет моих взглядов на женскую красоту и находит меня особой весьма привлекательной.

Его большая загорелая рука легла на перила рядом с моей. Рукой джентльмена ее назвать вряд ли возможно, но на мой вкус мозоли и шрамы стоят целой пригоршни драгоценных перстней. Я помню, как ловко эти руки орудуют всевозможными инструментами, необходимыми в нашей общей благородной профессии, прежде всего ломом. Еще острее другие воспоминания – о нежных прикосновениях его рук, приводящих меня в трепет... Даже вспоминать об этом не могу без дрожи. Как бы не насажать на странице клякс.

Превосходных качеств у Эмерсона пруд пруди, нет только одного – терпения. Погрузившись в грезы, я не расслышала его вопрос. Недолго думая, он ухватил меня за плечи, повернул и заглянул в лицо. В меня впились горящие, как два сапфира, синие глаза. Белые зубы щелкнули над самым ухом:

– Что за чертовщина, Амелия?! Что за игра в молчанку? Никогда не пойму женщин, будь я трижды проклят! Твой долг – пасть на колени и возблагодарить небеса – и меня, между прочим, – за свалившееся на тебя счастье. Знала бы ты, как нелегко было уговорить зануду де Моргана уступить нам участок для раскопок! Потребовался безграничный

такт, которым владею только я. Никто другой не добился бы успеха. И чем же ты мне платишь? Молчанием!

Любому, кто хоть немного знаком с ситуацией, было бы ясно, что Эмерсон снова предался своему излюбленному занятию – самообману. Мсье де Морган, глава египетского Ведомства древностей, действительно уступил нам территорию, на которой сам проводил раскопки годом раньше, хотя участок уже стал местом многих замечательных открытий. Однако «безграничный такт» Эмерсона, существующий исключительно в его воображении, здесь совершенно ни при чем. Не знаю точно, что заставило мсье де Моргана принять такое решение. Вернее, кое-какие подозрения у меня имелись, но я предпочитала о них не вспоминать.

Чтобы не углубляться в эту тему, я так объяснила свое сумрачное настроение:

– Меня огорчает Рамсес. Я надеялась, что хотя бы одно путешествие пройдет для разнообразия без неприятностей, но наш сын снова взялся за старое. Интересно, много ли найдется восьмилетних мальчишек, которых капитаны британских торговых судов грозят проучить, привязав к канату и бросив за борт?

– Это всего лишь цветистый оборот, преувеличение, на которые моряки так горазды! – отмахнулся Эмерсон. – Капитан никогда бы не осмелился на такое. Конечно, наш дорогой Рамсес озорник, он все время придумывает разные шутки, пора бы тебе, Пибоди, привыкнуть.

– Шутки?! На счету Рамсеса действительно хватает безобразий, но, насколько я знаю, он впервые вздумал подстрекать команду к мятежу!

– Глупости! Подумаешь, несколько невежественных матросов слишком серьезно отнеслись к его лекции о теориях господина Маркса...

– Нечего было вообще соваться к ним в кубрик! Они поили его спиртным, Эмерсон! Не спорь, я знаю. Даже несносный Рамсес не стал бы на трезвую голову так огрызаться на замечание капитана.

Эмерсон собрался было возразить, но, разделяя мою тревогу, не нашел что сказать.

– Тем более непонятно, – продолжала я, – почему команда не вытолкала Рамсеса в шею, а, наоборот, поделилась с ним своим драгоценным грогом – так, кажется, зовется это мерзкое пойло. Какое удовольствие могли найти эти люди в обществе нашего чада?

– Один из них мне сказал, что им понравилась его болтовня. «Силен же этот щенок разглагольствовать!»

Эмерсон не удержался от улыбки. Губы – одно из главных его достоинств, после живости ума, конечно: такие точеные и такие подвижные! Еще я бы назвала их нежными, но представляю, как бы он скорчился, услышь это...

– Неотесанный матрос попал в самую точку. – Мои губы невольно дрогнули в ответной улыбке.

– Рамсес – это отговорка! – отчеканил Эмерсон. – Выкла-

дывай, что тебя беспокоит, Амелия.

Улыбка оказалась сплошным притворством. Если Эмерсон называет меня по имени, значит, шутить он не склонен. Обычно он зовет меня по фамилии – Пибоди. Я со вздохом подчинилась.

– Меня не оставляет странное предчувствие...

Глаза Эмерсона сузились.

– Вот как, Амелия?

– Удивительно, что ты его не разделяешь.

– Действительно, не разделяю. У меня сейчас радостное настроение. Не собираюсь обращать внимание на какие-то...

– Ты высказался вполне доходчиво, Эмерсон. Не обижайся, но сегодня тебя так и тянет к высокопарным речам.

– Ты критикуешь мое ораторское искусство, Амелия?!

– Если ты будешь огрызаться на каждое мое слово, то я не смогу быть с тобой откровенна. И вообще, зачем портить тебе настроение? Ты уверен, что хочешь услышать о моих тревогах?

Склонив голову набок, Эмерсон несколько секунд обдумывал мой вопрос, потом ответил:

– Нет.

– Как это понимать?

– А так, что я ничего не желаю слышать. Оставайся наедине со своими дурацкими предчувствиями.

– Но ты сам спрашивал...

– Уже передумал!

– Ага, значит, ты тоже чувствуешь нависшую над нами...

– Ничего такого я до этой секунды не чувствовал! – взорвался Эмерсон. – Проклятье, Амелия...

– Как странно! А кто говорил о гармонии, о жизни душа в душу?

Посторонний наблюдатель заключил бы по выражению лица Эмерсона, что от былой гармонии не осталось следа: нахмуренные брови и негодующий взгляд предвещали шторм. Мне очень хотелось доплыть до берега, но я все-таки решила продолжить занимательную беседу.

– Разумеется, я тоже жду не дождусь начала раскопок. Ты знаешь, как я люблю пирамиды, особенно загадочные пирамиды Дахшура. Мне не терпится добраться до погребальной камеры Черной пирамиды и как следует ее изучить. В прошлый раз нам не дали там толком поработать. Лично я неважно соображаю, когда меня сталкивают в адский мрак затопленного подземелья и оставляют там околевать...

Эмерсон отпустил наконец мои плечи и снова уставился в морскую даль.

– С Черной пирамидой придется погодить, – буркнул он. – Пусть уровень воды опустится до нижней отметки. Если погребальная камера все равно останется затопленной, можно будет установить насос...

– Я тоже об этом думала, дорогой мой Эмерсон. Однако сейчас речь о другом.

– Почему же? Гидронасос со шлангом...

– Уж не забыл ли ты, при каких обстоятельствах мы впервые увидели внутренности Черной пирамиды?

– Я еще не так стар, чтобы страдать провалами памяти, – ответил он язвительно. – И не забыл, что ты ответила, когда я сказал, что не прочь умереть у тебя в объятиях. Честно говоря, я ожидал чуть больше признательности.

– Ты меня неправильно понял. Я тогда сказала, что была бы счастлива принять такую судьбу, но умирать не собираюсь. Поскольку ни на мгновение не сомневалась, что ты найдешь выход. Так и случилось.

Я подвинулась к нему и оперлась о его плечо.

– Да, нам удалось выбраться, – вздохнул он. – Правда, если бы не Рамсес...

– Не отвлекайся, Эмерсон! Ты отлично знаешь, что не дает мне покоя. Уверена, тебя преследуют те же опасения. Никогда не забуду нашу последнюю встречу с негодяем, который чуть нас не погубил. До сих пор вижу его издевательскую улыбку и слышу презрительные слова: «Итак, прощайте, дорогие мои! Надеюсь, мы больше никогда не встретимся».

Эмерсон вцепился в перила с такой силой, что сухожилия рук напряглись, как корабельные канаты. Не дождавшись ответа, я продолжила:

– Помню и клятву, которую я тогда дала себе: «Ну уж нет! Мы непременно встретимся! Я не успокоюсь, пока не выслежу тебя и не положу конец твоим гнусным козням».

Эмерсон перестал пробовать перила на прочность и заме-

тил ворчливо:

– Возможно, в тот момент ты и впрямь была настроена воинственно, но потом усиленно это скрывала, пока в июле прошлого года у тебя не взял интервью этот рыжий молокосос из «Дейли Йелл». Ты сознательно меня обманула, Амелия: ты скрыла, что пригласила проныру О'Коннелла в мой дом! Ты тайком его привела и тайком вывела наружу, да еще подговорила слуг помалкивать.

– Я всего лишь щадила твои нервы, дорогой. Ты ведь не выносишь беднягу О'Коннелла. Помнишь, как однажды спустил его с лестницы?

– Ничего подобного я не делал! – с жаром возразил Эмерсон. Иногда память его все-таки подводит. – Хотя мог бы, если б застал его в моем кабинете. Нечего приставать к моей жене и строчить лживые статейки обо мне! Надо же все так перевернуть! Да я чуть со стыда не сгорел, когда прочел эти рассказы в газете.

– Извини, Эмерсон, но я не могу с тобой согласиться. О'Коннелл вовсе не придумал ту красочную историю о нашем спасении. И один из нас все же пригрозил вывести Геня Преступлений на чистую воду. Возможно, то был ты, а не я. Разумеется, я скрыла от репортера все подвиги нашего чада, иначе Рамсес возомнил бы о себе невесть что. Но во всем остальном я ничуть не погрешила против истины. Лично у меня не было причин краснеть. Я всегда помню, что мой супружеский долг – пропеть хвалебную песнь храбrecу,

спасшему беспомощную жену от верной гибели.

– М-м... – промычал Эмерсон польщенно. – Все так, Пибоди, однако...

– Попомни мои слова, Эмерсон: этот мерзавец еще о себе заявит. Ему удалось скрыться, зато мы разоблачили его коварные замыслы и вырвали из его алчных лап похищенное сокровище. А этот тип не из тех, кто мирится с поражением.

– Откуда такая уверенность? Ты же ничего о нем не знаешь, даже откуда он родом, нам неизвестно.

– Не сомневаюсь, что он англичанин.

– На арабском он изъяснялся не хуже, чем на английском, – напомнил Эмерсон. – Его лица ты тоже толком не разглядела – настолько оно было заросшим. Никогда в жизни не видел такой густой бороды! Ты бы его узнала, если бы увидела бритым?

– Непременно.

– Гм! – Эмерсон обнял меня и притянул к себе. – Должен тебе признаться, Пибоди: ничто не доставило бы мне такого удовольствия, как набить этому мерзавцу физиономию! Если он снова встанет нам поперек дороги, я устрою ему такую взбучку, что он пожалеет, что родился. Но самому напрашиваться на неприятности особого желания не испытываю: есть дела и поважнее. Обещай, Пибоди, что и ты не станешь лезть на рожон.

– Конечно, дорогой.

– Дай слово.

– Обещаю не рисковать.

– Ты – чудо, дорогая моя Пибоди! – С этими словами Эмерсон перекрыл мне кислород, не обращая внимания на подглядывающих за нами матросов.

Я твердо намеревалась сдержать слово. Зачем искать неприятностей, когда они наверняка сами тебя найдут?

II

В Александрии мы сошли на берег и сели на каирский поезд. Дорога занимает чуть больше четырех часов, но многие пассажиры успевают за это время смертельно заскучать – настолько безликой кажется на неискушенный взгляд нильская дельта. Зато наметанный взгляд археолога в любом холмике усматривает похороненный под песками древний город. Рамсес и Эмерсон без устали спорили о том, что может скрываться под очередной неприглядной кочкой. Я не участвовала в их спорах: что толку сотрясать воздух, не располагая фактами? Ради установления истины надо заниматься раскопками, а не пустопорожней болтовней.

Когда до пункта назначения оставались считанные мили, вдали показались величественные пирамиды Гизы. Именно здесь, а не на людной набережной Александрии я обычно впервые чувствую, что оказалась в Египте.

Эмерсон радовался не меньше меня и тоже прирос взглядом к чудесной панораме. Уступив моим мольбам, он облачился в новый серый костюм, который очень ему шел. Впрочем, мне Эмерсон куда милее не в парадном, а в рабочем облачении – в выдавших виды штанах и расстегнутой на груди рубашке с закатанными рукавами, обнажающими бицепсы... К костюму подошла бы шляпа, но Эмерсон упорно отказывается от головного убора, даже работая под испепеляющим

солнцем. И моего напора не всегда хватает, чтобы сладить с его упрямством.

На коленях у Эмерсона сидела большая полосатая кошка Бастет и с не менее острым любопытством смотрела в окно. Можно было подумать, будто она понимает, что вернулась на землю своих предков. Рамсес стал бы доказывать, что Бастет понимает и это, и многое другое, – он чрезвычайно высокого мнения об умственных способностях своей любимицы. Они не разлучаются с того момента, когда Бастет несколько лет назад стала членом нашей семьи. Рамсес таскает ее во все поездки, уважая как опытную путешественницу. Надо сказать, беспокойства она причиняет несравненно меньше, чем ее юный хозяин.

Ах, Рамсес... Даже мое красноречивое перо пасует, когда я пытаюсь передать скупыми словами всю сложность этой натуры – нашего единственного отпрыска, появившегося на свет восемь лет назад. Некоторые суеверные египтяне утверждают, будто это вовсе не ребенок, а джинн, поселившийся в хрупком детском тельце. Джинны подразделяются на добрых и злых (последние известны как ифриты), а сама эта порода мифологических существ не имеет определенной моральной окраски, будучи чем-то средним между ангелами и людьми. Я предпочитаю не спрашивать, к каким именно джиннам следует отнести моего сына, чтобы еще больше не расстроиться.

Рамсес был, разумеется, грязен и взъерошен. Он почти

всегда такой. Его тянет к грязи, как крокодила – к воде. А ведь при погрузке в поезд он еще был относительно опрятен. Примерно через час после выезда из Александрии я огляделась и не обнаружила его в купе. Это меня не удивило, так как Рамсес – большой умелец незаметно ускользнуть. Чрезвычайно обременительный талант, если учесть, что наш сын не может просто пройти по комнате, без того чтобы чего-нибудь не натворить, – а все потому, что страшно любит хвататься за дела, которые ему не по плечу.

По настоянию Эмерсона я отправилась на поиски Рамсеса и обнаружила его в вагоне третьего класса, где он, сидя на корточках, развлекал болтовней особу, чей легкий и нескромный наряд не оставлял никаких сомнений относительно рода ее занятий. Насильственно водворив Рамсеса обратно в купе, я усадила его у окна, а сама, дабы он не сбежал, села рядом.

Пришлось и ему любоваться пирамидами. Я видела только грязный воротник и спутанную до неприличия курчавую шевелюру, но догадывалась, что он созерцает чудо света без малейших эмоций. Лицо Рамсеса обычно бесстрастно. У него большой нос, подбородок под стать носу и совершенно не английский оттенок кожи. Его легко принять за малолетнего египтянина. Именно поэтому, а также из-за царственных замашек Эмерсон прозвал нашего сына Рамсесом. Надеюсь, читатель и без подсказки догадывается, что сама я не осмелилась бы дать английскому ребенку столь экзотическое

прозвище.

Головы Эмерсона, Рамсеса и кошки Бастет не позволяли мне наслаждаться видом из окна, поэтому я откинулась на спинку сиденья, на всякий случай не спуская глаз с затылка сына.

III

Я по привычке заказала номера в гостинице «Шепард». Эмерсона это категорически не устроило. Впрочем, я каждый год слышу от него одни и те же жалобы и привыкла не обращать на них внимания. Есть гостиницы поновее, предлагающие не меньше комфорта, зато постояльцы «Шепарда» получают все мыслимые удобства и заодно попадают в самый центр великосветской жизни Каира. Меня привлекает в этой гостинице как раз то, что совершенно безразлично Эмерсону. Он бы предпочел поселиться в арабском квартале и наслаждаться отсутствием водопровода и канализации. (Мужчины по своей природе – неисправимые грязнули. Эмерсон относится к тем немногим, кто осмеливается признаться в этом вслух.) Я уже научилась мириться с любыми лишениями, но не вижу причин отказывать себе в комфорте, когда он доступен. Мне хотелось отдохнуть несколько дней от корабельной скученности, прежде чем удалиться в пустыню.

Уверена, любой счел бы это мое желание разумным. Эмерсон утверждает, правда, что я предпочитаю «Шепард» из любви к сплетням, но это, конечно, шутка.

Я слышала жалобы, будто в разгар сезона в «Шепарде» трудно найти свободные номера, но мне обычно везет. Нас там встречают как давних и желанных постояльцев. Поговаривают, что герр Бехлер, управляющий гостиницей, смер-

тельно боится Эмерсона, потому и удовлетворяет все его требования, но к этим слухам нельзя относиться серьезно. Герр Бехлер – мужчина рослый и крепкий, такого трудно запугать.

В этот раз он ждал нас на террасе, чтобы радушно приветствовать – заодно с другими гостями, прибывшими в Каир александрийским поездом. Его величавая голова с роскошной седой гривой возвышалась над толпой. Мы уже готовились вылезти из кареты, когда позади нас остановился еще один экипаж. Мы не могли его не заметить – столь сильное впечатление он произвел на людей, отдохавших на террасе. Публика разом оцепенела, уставившись на прибывших. Через минуту мертвая тишина сменилась возбужденным перешептыванием.

Два серых коня-близнеца, впряженных в экипаж, потряхивали гривами, украшенными багровыми перьями; они гарцевали на месте, каждым движением демонстрируя породистость. Высокий стройный мужчина в костюме для верховой езды и надраенных башмаках спрыгнул на землю и бросил вожжи стоявшему на задках фореитору. Казалось, по его черным волосам прошли тем же гуталином, что и по башмакам, тонкие черные усики выглядели нарисованными, в правом глазу ослепительно поблескивал монокль.

– Будь я проклят, если это не мерзавец Каленищефф!

Эмерсон не умеет разговаривать тихо. На его зычный голос оглянулись все, включая самого Каленищеффа, в бесстыжей улыбке которого проглянула некоторая растерян-

ность. Но уже в следующую секунду он пришел в себя и помог выйти из экипажа своей спутнице.

На ее тонкой шейке и узких запястьях сверкали бриллианты, серо-зеленое шелковое платье туго обтягивало стройный стан, на воротнике из белого шифона мерцала брошь с изумрудами. Зонтик был в тон платью. Под зонтиком я успела рассмотреть очаровательное смеющееся личико. Щечки и губки на этом личике были гораздо ярче, чем им назначила Природа.

Эффектная пара стремительно поднялась по ступенькам и исчезла за дверями гостиницы.

– Любопытно... – проговорила я. – У кого хватило...

– Неважно! – отрезал Эмерсон, твердо беря меня за руку.

По традиции нам предоставили номера на третьем этаже, с видом на сады Эзбеки. Разобрав вещи и переодевшись, мы спустились на террасу выпить чаю. Эмерсон меньше обычного ворчал по поводу чаепития, которое он считает «абсурдным светским ритуалом», так как долгая дорога и густая уличная пыль вызвали у всех нас нестерпимую жажду.

Чаепитие на террасе гостиницы «Шепард» – популярнейшее развлечение среди праздных туристов, но даже такие бывалые путешественники, как мы, никогда не устают от живописных картин египетской жизни, которыми изобилует улица Ибрагима-паши. Вокруг гостиницы снуют попрошайки, торговцы, погонщики ослов, конные повозки разной степени неопрятности. Всех здесь обуревают одно желание –

подработать, оказав мелкую услугу постояльцам гостиницы.

Мы уселись за столик и продиктовали официанту заказ, потом я достала из кармана платья лист бумаги. Это был список запретов для Рамсеса, который я немедленно ему зачитала. Начинался список с требования «не болтать с погонщиками ослов», а кончался мольбой не повторять слов, услышанных от погонщиков ослов в прошлом году. Рамсес бегло говорит по-арабски – увы, на самом вульгарном жаргоне этого изысканного языка.

Среди гостей было немало знакомых лиц, но с нами никто не заговаривал. Мы тоже не горели желанием погрузиться в светскую болтовню: Эмерсон не обнаружил среди присутствующих ни одного египтолога. Мы уже собирались подняться наверх, когда мой несдержанный на язык супруг снова выругался.

Обернувшись, я увидела Каленищеффа. На его лице застыла фальшивая улыбка.

– Добрый день, мадам, добрый день, профессор, добрый день, молодой человек... С возвращением в Каир! Позвольте...

– Не позволю! – отрезал Эмерсон, отнимая у Каленищеффа кресло. – Как вы смеете обращаться к миссис Эмерсон? Само ваше присутствие – оскорбление для любой порядочной женщины!

– Спокойно, Эмерсон, спокойно. – Я приподняла зонтик. Каленищефф попятился. Вспомнил, видно, как я одна-

жды ткнула его своим оружием, когда этот хлыщ вознамерился прикоснуться ко мне.

– Давай его выслушаем, – предложила я.

– Я вас не задержу, – пробормотал Каленищефф, как завороченный глядя на зонтик. – Предлагаю заключить соглашение, – продолжил он, понизив голос. – Если угодно, сделку.

– Что?! – взревел Эмерсон. – Сделка? Никаких сговоров с ворами и убийцами!

– Тише, Эмерсон! – взмолилась я. Люди за соседними столиками перестали изображать хорошие манеры и ловили каждое наше слово. – Пусть говорит.

Каленищефф по-прежнему улыбался, хотя теперь это больше походило на судорожную гримасу, на лбу у него выступил пот.

– Для меня не секрет, как вы ко мне относитесь, – прошипел он. – Не хотите сделки, так хотя бы поверьте моему обещанию. Я покидаю Каир и вообще Египет. Дайте мне несколько дней на завершение дел, и, клянусь, вы больше никогда меня не увидите и не услышите.

– И куда же вы направляетесь? – полюбопытствовала я.

– Это не должно вас интересовать, миссис Эмерсон.

– Вам придется бежать на край света, чтобы до вас не дотянулись длинные руки бывшего вашего господина, – произнесла я со значением.

Его худое лицо стало мертвенно-бледным.

– Почему вы говорите... Что заставляет вас предполагать?..

– Бросьте, Каленищефф! Это же совершенно очевидно! Что-то – или кто-то – так сильно вас напугало, что вы готовы бежать из Египта без оглядки. Кто же еще это может быть, кроме самого дьявола во плоти, Гения Преступлений? Мы не смогли доказать, что вы принадлежали к его банде, но знать-то знали. Если вы задумали предать своего всезнающего и всевидящего хозяина, то советую добровольно сдаться полиции, а еще лучше – нам.

– Вы заблуждаетесь, – прошептал Каленищефф. – Это ошибка. Я бы никогда... Я никогда не имел отношения к...

Эмерсон зловеще нахмурился. Когда он понижает голос, угроза звучит гораздо выразительнее, чем когда дерет глотку. Каленищефф знал это лучше других.

– Это вы ошибаетесь, мерзавец. Сколько бы вы ни твердили о своей невинности, меня вам не провести. При следующей встрече со своим хозяином передайте ему, чтобы он не вставал у меня на пути. Это и к вам относится. Не желаю иметь с вами ничего общего. Будете мне мешать – раздавлю, как насекомое! Ясно?

Я бы выразила эту мысль помягче и потому быстро проговорила:

– Подумайте хорошенько, Каленищефф! Скажите нам всю правду. Тогда мы могли бы вас спасти. Даже заговорив с нами, вы пошли на страшный риск. Шпионы вашего ужас-

ного хозяина кишат повсюду. Если вас увидят, то...

Нельзя сказать, что я добилась больше успеха, чем Эмерсон. Каленищефф лишь сильнее побледнел.

— Вы правы... — пролепетал он и, не сказав больше ни слова, нетвердой походкой направился к дверям гостиницы.

— Ха! — довольно пророкотал Эмерсон. — Отлично сработано, Пибоди! Ты помогла мне от него избавиться.

— Совершенно того не желая. Мы не можем позволить мошеннику благополучно скрыться. Нельзя, чтобы он обманул молодую даму, очередную свою жертву!

Я хотела было встать, как вдруг Эмерсон схватил меня за руку. Когда я вырвалась из его тисков, перед гостиницей уже стоял тот самый экипаж с красавцами-рысаками. Едва молодая дама вышла на террасу, Каленищефф поспешил усадить ее в экипаж. Зеваки, любовавшиеся ее торопливым отъездом, вынуждены были довольствоваться лишь видом изящного зашнурованного ботинка и мелькнувших нижних юбок. Каленищефф взлетел на облучок, отнял у кучера хлыст и с размаху стегнул лошадей. Уличные торговцы и праздный люд бросились врассыпную. Старик, продававший фрукты, замешкался и поплатился опрокинутой тележкой. Апельсины и лимоны запрыгали в уличной пыли.

Рамсес вскочил, но я покачала головой.

— Мама, я лишь хотел помочь! Гляди, его апельсины...

— Не сомневаюсь, что твои намерения благородны, мой милый Рамсес. Они делают тебе честь, но, увы, неизменно

приводят к плачевному результату и для тебя, и для тех, кому ты рвешься помочь.

– Но, мама, шмотри, тот тип...

Я сдержала горький вздох. Рамсесу уже восемь, а он все еще не избавился от этой неприятной шепелявости. По-моему, он нарочно меня изводит. Я проследила за его взглядом. Рамсес во все глаза смотрел на оборванца, бросившегося на помощь старику, – высокого, хорошо сложенного субъекта в немыслимом халате и оранжевом тюрбане. Подобрал из грязи три апельсина, оборванец довольно умело пожонглировал ими, после чего уронил два к ногам старика, а третий – в складки своего запятнанного одеяния. Разглядеть его лицо я не успела.

– Следи за своей речью, Рамсес, – сказала я недовольно. – Сколько раз я тебе говорила: не шепелявь!

– Очень много раз, мама. Прости, что расстроил тебя. Но ты могла заметить, что мне свойственно забываться под влиянием сильных чувств или от неожиданности, как в...

– Хорошо, хорошо! Впредь будь внимательнее.

Тем временем торговец узнал Эмерсона, перегнувшегося через перила террасы, и запричитал с удвоенной силой:

– Господин Эмерсон! О, великий Отец Проклятий, взгляни, что они сделали со старым бедняком! Я разорен! Мои жены будут голодать, дети лишатся крова, дряхлая мать...

– Не говоря уж о еще более дряхлой бабушке! – подхватил Эмерсон ноющим голосом, словно постигал тонкости разго-

ворного арабского в самых зловонных закоулках каирских базаров. Далее последовали эпитеты, вызвавшие у уличных слушателей взрыв хохота.

Эмерсон заулыбался. Для него лучшая награда – высокая оценка его вульгарных острот. Кто выступает ценителями, значения не имеет. Бросив в тележку торговца горсть мелочи, он сказал:

– Купи прабабушке новый наряд, дабы она побольше зарабатывала своей профессией.

По-моему, замечание было совершенно неуместным, но улица покатила со смеху. Эмерсон довольно огляделся, словно актер, которому устроили овацию. Почувствовав мой взгляд, он скорчил серьезную мину и гневно воскликнул:

– Говорил я тебе: не надо здесь останавливаться, Амелия! Разве в приличный отель пустили бы такого типа, как Каленищев, а? Ноги моей здесь больше не будет! Где этот болван Бехлер?! Герр Бехлер!

Говорят, у опытных хозяев гостиниц нюх на зреющие неприятности. Еще говорят – но это скорее злонамеренные измышления, – что герр Бехлер всегда ждет от Эмерсона каких-нибудь выходок и не спускает с него глаз. Так или иначе, управляющий, как по волшебству, вырос у нашего столика.

– Вы меня звали, профессор Эмерсон? – спросил он шепотом.

– Почему вы шепчете? – осведомился Эмерсон.

– Чтобы своим примером убедить тебя понизить голос, –

подсказала я.

Герр Бехлер послал мне благодарный взгляд.

– О чем это ты, Пибоди, черт возьми?! – еще громче заорал Эмерсон. – Я никогда не повышаю голос. Объясните, герр Бехлер, с какой стати вы пускаете в свой отель всяких подлых мошенников, а? Это возмутительно!

– Вы имеете в виду князя Каленищеффа?

– Князя?! Ха! Да этот прохиндей не имеет права ни на титул, ни на высокое звание археолога! Он попросту вор и отъявленный мерзавец. Его банду мы с миссис Эмерсон разоблачили в прошлом году...

– Прошу, профессор, потише! – Бехлер заломил руки. – На нас смотрят. Вас могут услышать!

– И очень хорошо! Слова для того и предназначены, герр Бехлер, чтобы их слышали!

– А ведь герр Бехлер прав, Эмерсон, – вмешалась я. – Мы с тобой знаем, что этот человек виновен, но у нас нет доказательств. Мы не вправе ожидать, что герр Бехлер тоже отнесется к нему как к преступнику. Что мне хотелось бы узнать, так это имя несчастной, которую он опекает. С виду она так молода! И куда только смотрит ее мать? Как она позволяет дочери появляться на людях в обществе такого подозрительного субъекта?

Герр Бехлер колебался, пытаясь сохранить привычную сдержанность, но я-то чувствовала, как ему хочется посплетничать с приятным, понимающим собеседником. То есть со

мной.

– Эта особа – сирота, – начал он. – Возможно, вы о ней слышали. Она ваша соотечественница – мисс Дебенхэм, дочь и единственная наследница покойного барона Пиккадилли.

– Наследница... – повторила я в задумчивости.

– Неудивительно, что Каленищефф вертится около нее, – проворчал Эмерсон. – Нет, Бехлер, мы с ней не знакомы. Нас не интересуют взбалмошные аристократки. Не желаю больше слышать об этой мисс Девоншир или как ее там... Миссис Эмерсон она тоже не интересна: у моей жены нет времени на такую публику.

– Прекрати, Эмерсон. Герр Бехлер знает, что я никогда не вмешиваюсь в чужие дела. Просто в данном случае мой долг – спасти несчастную, попавшую в беду. Юная леди наверняка понятия не имеет, что собой представляет Каленищефф, и ее следует предостеречь. Если я могу хоть чем-то ей помочь...

Наконец-то Бехлер получил возможность высказаться.

– Должен признаться, миссис Эмерсон, что ситуация сложилась щекотливая. Мисс Дебенхэм прибыла в Каир без сопровождения, даже без горничной. Она быстро познакомилась с князем, и их поведение тут же стало скандальным. Вы не первая, от кого я слышу возмущенные слова в адрес этой пары. Как мне ни претит оскорблять британскую аристократку, придется, наверное, попросить мисс Дебенхэм покинуть мою гостиницу.

Я по его примеру понизила голос.

– Вы хотите сказать, что они... они...

– Прошу прощения, миссис Эмерсон. – Бехлер склонился ко мне. – Я вас не расслышал.

– Наверное, это к лучшему. – Рамсес взирал на меня широко раскрытыми, ничего не выражающими глазами – верный признак, что наш разговор вызывает у него острое любопытство. Я уже давно рассталась с надеждой, будто Рамсес не имеет понятия о вещах, которыми не положено интересоваться в восьмилетнем возрасте, но стараюсь сохранить хотя бы видимость наивности. – Эмерсон, отведи Рамсеса наверх и умой его.

– Он и так чистый, – возразил Эмерсон.

– Лишний раз умыться не вредно. Ты ведь знаешь, что сегодня мы ужинаем в «Мена-Хаус». В полнолуние оттуда великолепный вид на пирамиды. Хотелось бы побыстрее там оказаться!

– Прекрасно! – Эмерсон поднялся. – Только не думай, что я не догадываюсь о твоих планах, Пибоди. Будь осторожнее!

– Теперь вы можете говорить откровенно, друг мой, – сказала я Бехлеру, избавившись от родственников. – Наверное, Каленищефф и мисс Дебенхэм поселились в одном номере? Не бойтесь меня шокировать.

Но шокирован был сам герр Бехлер.

– Что вы, миссис Эмерсон! Как вы могли подумать, что я допущу такое в своей гостинице?! У князя собственный

номер, и даже не по соседству с покоем мисс Дебенхэм.

Я позволила себе ироническую усмешку, которую воспитанный герр Бехлер предпочел не заметить.

— Как бы то ни было, я не могу равнодушно наблюдать, как человек безрассудно катится в пропасть, тем более когда этот человек принадлежит к моему угнетаемому полу. Вечно эти мужчины пользуются нами, женщинами, в своих интересах — себя и мужа я, разумеется, не имею в виду! Нет, помочь попавшей в беду — священный долг любой женщины. Развлекайся сколько тебе влезет, но с соблюдением приличий... Простите, герр Бехлер, это я так, про себя. В общем, я должна поговорить с мисс Дебенхэм.

Но герр Бехлер уже успел передумать, что меня не удивило. У мужчин всегда семь пятниц на неделе. Чего-то попросив, в самый ответственный момент они вдруг решают, что им этого совсем не хочется. — Я не вполне уверен... — забубнил он.

— Зато я уверена! — Я улыбнулась и ткнула его зонтиком. — Не бойтесь, герр Бехлер. Я буду сама деликатность. Просто скажу, что мсье Каленищефф — скотина, вор и, возможно, даже убийца. Полагаю, для мисс Дебенхэм это прозвучит убедительно.

Герр Бехлер испуганно дернулся.

— Вы твердо решили? Мне никак вас не переубедить?

— Никак! — заверила я его.

Герр Бехлер удалился, качая головой, а я допила чай.

Много времени это не заняло, поскольку Рамсес уничтожил все сэндвичи.

К себе в номер я отправилась с намерением помочь Эмерсону переодеться. Этот процесс у него обычно затягивается – до того он ненавидит вечерний костюм. Но в комнатах никого не было. Рамсес с родителем бесследно испарились. Вместе с Бастет. Удивительно, как они сумели проскользнуть мимо меня! Не иначе, воспользовались черным ходом.

Вернулась троица через час с лишним – Эмерсон в растянутом пиджаке и воротничке, Рамсес всклокоченный и грязный, башмаки его оставляли на полу подозрительные зеленые следы. Бастет сидела у Эмерсона на плече и рассеянно поигрывала его галстуком.

– Так... Похоже, вы наведались на базар, к красильщикам!.. И что вам у них понадобилось?

– Рамсесу захотелось феску, – ответил Эмерсон, позволив кошке прыгнуть на кровать.

– И где же она?

Рамсес огляделся, словно названный головной убор мог, перемещаясь сам по себе, появиться в комнате раньше его.

– Сам не знаю! – развел он руками.

Что тут скажешь?

– Умываться! – распорядилась я.

– Хорошо, мамочка.

Рамсес с благонаправленным видом удалился в соседнюю комнату, Бастет последовала за ним. Через минуту плеск во-

ды заглушили немзыкальные завывания, которыми Рамсес всегда сопровождает свои омовения. Я повернулась к Эмерсону:

– Ну как?

– Нам надо торопиться, Пибоди. Я не собирался задерживаться на базаре, но ты же знаешь, во что всегда превращаются такие переговоры: кофе, обмен любезностями, то да се...

Он стягивал с себя галстук, пиджак, рубашку и, не глядя, швырял в сторону кровати. Я смиренно подбирала предмет за предметом с полу и отправляла в шкаф.

– Конечно знаю. Как раз этому я собиралась посвятить завтрашний день.

– Теперь такая необходимость отпала. – Эмерсон склонился над умывальником. – Я сам обо всем позаботился. Мы можем выехать в Дахшур завтра рано утром.

– Завтра утром?

Эмерсон принялся брызгать над тазом, фыркая, словно огромный пес.

– До чего же хорошо освежиться! Разве не прекрасно будет снова вернуться в пустыню, Пибоди?

Песок и звезды, тишина и покой, уединение, никто не отвлекает...

С одной стороны, я была страшно зла на своего драгоценного супруга, с другой – меня душил смех. Эмерсон весь на ладони, как дитя. К тому же меня всегда отвлекает игра мускулов у него на спине. Я взяла полотенце и помогла ему вы-

тереться.

– Я вижу тебя насквозь, Эмерсон. Тебе хочется побыстрее увезти меня из Каира. Что ж, я, разумеется, разделяю твой энтузиазм по поводу песка, звезд, уединения и прочего. Но мне еще надо успеть многое сделать, прежде чем...

– Вовсе нет, Пибоди. Недаром Абдулла и наши люди провели в Дахшуре все лето. Если помнишь, мы решили, что оставлять участок без присмотра рискованно. Не сомневаюсь, что они уже нашли и приготовили для нас подходящий домик и перенесли туда вещи, которые мы оставили прошлой весной в Дронкехе...

– У нас с Абдуллой разные представления о «подходящем домике». Мне понадобится...

– Все, что тебе понадобится, можно будет привезти, когда ты на месте разберешься, чего там не хватает...

Голос Эмерсона звучал хрипло, а словам недоставало обычной для него точности. Я увидела, что он смотрит на меня в зеркало с хорошо знакомым мне выражением.

– Мне побриться, Пибоди?

– Обязательно. Ты такой колючий...

Он обнял меня, прижав вместе с полотенцем к груди и оцарапав мне щетиной щеку.

– Так мне побриться, Пибоди? – повторил он еще более хрипло.

– Что ты, Эмерсон... – начала было я, но продолжения не последовало.

Мало-мальски догадливый читатель меня поймет и простит. Дальнейшее совершенно вскружило мне голову – признаться, с моей головой в таких ситуациях всегда происходит невесть что...

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я почувствовала жжение в затылке и невольно оглянулась. В дверях стоял Рамсес, да не один, а с кошкой в руках! Оба наблюдали за нами с любопытством закоренелых бесстыдников.

– Рамсес! – вскричала я гораздо громче, чем собиралась. – Кажется, ты ухмыляешься?

– Это улыбка уважения и одобрения, – возразил мой несносный сын. – Мне нравится, когда вы с папой предаётесь подобным занятиям. Пока еще мне трудно объяснить, чем это вызвано. Полагаю, дело в подсознательной потребности в...

– Рамсес! – гаркнул Эмерсон. Красноречие сына дало ему время отдышаться. – Марш в свою комнату! И закрой за собой дверь.

Рамсес немедленно исчез, но настроение было уже испорчено. Эмерсон смущенно кашлянул и потянулся за бритвенным прибором.

– Придется подумать о надзирателе для Рамсеса, – буркнул он. – То есть я хотел сказать, что пора приставить к нему гувернантку...

– Нет, именно надзирателя! – Я присела за туалетный столик в надежде соорудить из взъерошенных волос подобие ве-

ликосветского пучка. – Если помнишь, я предлагала взять с собой слугу, но ты воспротивился.

– Нельзя было разлучать беднягу Джона с невестой, – промычал гуманист Эмерсон, взбивая кисточкой пену в чашке и намыливая щеки. – Ничего, вот доберемся до Дахшура, а там заставим Селима вспомнить его прошлогодние занятия.

– От Селима и в прошлом году было немного толку. Я помалкивала, чтобы его не обидеть, но с ним Рамсес был совершенно неуправляем. Да что там, вместо того чтобы охранять Рамсеса, Селим превратился в его сообщника! Рамсесу нужен толковый наставник. Пока что у него очень одностороннее образование. Да, он расшифровывает египетские иероглифы так же запросто, как обычный ребенок его возраста читает по-английски, зато у него крайне поверхностное представление о науках, а в истории своей великой нации он вообще ничего не смыслит.

– Почему? Например, ему не чужда зоология. Он все время подбирает бродячее зверье...

– Я говорю о физике, астрономии...

Эмерсон презрительно фыркнул, забрызгав пеной все зеркало.

– Никак не постигну, какая разница, что вокруг чего вертится: Земля вокруг Солнца или наоборот! Лучше не загружать мозги всякими глупостями.

– Сдается мне, Эмерсон, ты не сам придумал эту невежественную сентенцию.

– Несомненно, то же самое тебе скажет любой благоразумный человек. Не беспокойся за образование Рамсеса, Пибоди! Он и так проживет.

После этого легкомысленного заявления Эмерсон молча провел по щеке зловеще посверкивающей бритвой. Разумеется, я осталась при своем мнении, но решила промолчать, дабы избежать несчастного случая. Только когда бритва оказалась на безопасном от горла моего супруга расстоянии, я с нажимом спросила:

– Значит, мы уезжаем завтра утром?

– Да, если это тебя устраивает, дорогая.

– Совершенно не устраивает! Сначала мне надо закончить несколько дел...

Эмерсон возмущенно обернулся и погрозил мне бритвой.

– Ты имеешь в виду эту дамочку Девоншир?

– Дебенхэм! Неужели такая уж трудная фамилия? Я действительно хотела дать мисс Дебенхэм несколько добрых советов – тех самых, которые она наверняка слышала бы от своей матушки, будь та жива. Что ж, придется сделать это сегодня вечером.

– К черту!

– Поторопись, Эмерсон. В «Мена-Хаус» будет столпотворение: пирамиды при лунном свете – популярное зрелище. – Я сумела-таки собрать непослушные волосы в аккуратный узел. – Но дела, о которых я обмолвилась, – это покупки. Уверена, ты приобрел далеко не все, что мне потребуется.

– Напрасно ты так уверена. Я даже накупил этих чертовых микстур, примочек и пластырей, которыми ты вечно мучаешь аборигенов.

– А как насчет чаш для причастия?

– Причастие?.. Знаешь, Пибоди, я еще готов терпеть, когда ты изображаешь из себя лекаря, но если вдобавок ты займешься причащением и отпущением грехов, я взбунтуюсь. Это идет вразрез с моими принципами: не потерплю у себя под носом нелепых суеверий! Но проблема не только во мне. Что на это скажет англиканская церковь?

– Все бы тебе шутить, Эмерсон! Ты ведь отлично знаешь, что я хочу заменить те, которые Гений Преступлений украл из церкви в Дронке в прошлом году. Деревенский староста был так безутешен, что мое сердце дрогнуло. Раз мы не в состоянии вернуть оригиналы, попробуем хотя бы утешить его новыми. Ты наверняка не приглядел на рынке ничего подходящего?

– Древнюю религиозную утварь христиан-коптов нелегко найти даже на каирских базарах. Да и зачем зря тратить время? Захватила бы из Лондона комплект тазиков для ванной, и дело с концом.

Я проигнорировала это нечестивое замечание, ибо давно знакома с презрительным отношением мужа к религии. Но когда он взялся за брюки, я не стерпела:

– Только не эти драные штаны, Эмерсон! Я приготовила твой вечерний костюм. Ведь твид...

– ...самый подходящий материал для восхождения на Великую пирамиду, Пибоди! Или ты хочешь, чтобы я испортил свой единственный вечерний наряд?

– Восхождение на пирамиду? В темноте?

– Нынче полнолуние, как тебе хорошо известно. При таком освещении с вершины пирамиды Хеопса открывается фантастический вид. Я задумал это как сюрприз для тебя, моя дорогая, но если ты предпочитаешь разодеться в пух и прах, как та юная пассия Каленищеффа, – что ж, изволь... Странно, как дамам в таких пышных юбках удается оставаться на грешной земле. Кажется, малейший порыв ветра – и они взмоют в воздух.

Его доводы показались мне логичными. Чтобы не воспарить, я решила одеться попроще – в рабочие брюки винного цвета и бело-кремовый жакет в клетку. Ансамбль дополнял мой неизменный зонтик. Без него я шагу не ступлю. Это самый полезный предмет, созданный человеческим гением. В данном случае я собиралась использовать его в качестве трости, так как среди развалин в окрестностях пирамид можно запросто свернуть шею. Тем не менее критику платья мисс Дебенхэм я не могла оставить без внимания.

– Подобно всем мужчинам, ты, Эмерсон, лишен чувства стиля. Хотя молодая особа, конечно, могла бы одеваться поскромнее. Надо будет узнать, где она...

Эмерсон прервал меня властным поцелуем, после чего проговорил:

– Ты обойдешься и без искусственных прикрас, Пибоди. Больше всего тебе идут теперешний легкий наряд, обгоревший нос и волосы дыбом. Еще лучше, когда на тебе вообще нет...

Я зажала ему ладонью рот, чтобы не прозвучал конец фразы, потому что снова чувствовала жжение в затылке – Рамсес был тут как тут.

– Теперь я могу войти, папа? – невинным голосом спросил наш сын.

– Входи, – разрешила я, отшатываясь от Эмерсона.

– Что мне надеть, мама? – так же кротко осведомился Рамсес.

– Пожалуй, черный бархатный костюмчик.

Лицо Рамсеса редко выражает какие-либо эмоции, однако на сей раз его исказила страдальческая гримаса. Черный бархатный костюм неизменно будит в нем бунтарский дух. Ума не приложу, почему Рамсес его так ненавидит. По-моему, черный бархат в сочетании с кружевным воротником и гофрированной рубашечкой – вполне подходящий наряд для восьмилетнего отрока. Хотя, должна признать, Рамсесу, с его грозным профилем и черными кудрями, больше пошло бы одяние помужественнее.

В следующую секунду я представила, во что превратится выходной костюм после карабканья на пирамиду, и разрешила ему одеться по собственному усмотрению. Увы, моя надежда, что Рамсес из духа противоречия выберет черный

бархат, не оправдалась.

Глава 2

I

Гостиница «Мена-Хаус», открывшаяся у самого плато Гиза несколько лет назад, благодаря своему расположению быстро превратилась в одно из популярнейших мест в окрестностях Каира. Снаружи она похожа на старый английский особняк, но внутреннее убранство выдержано в восточном стиле. В ресторане, накрытом высоким куполом и залитом неярким светом, царит атмосфера таинственности и волшебства. Владельцы гостиницы, чета Лок, для большего уюта украсили ресторан старинными раздвижными ширмами.

Мы оказались единственными, кто явился не в вечерних туалетах, и удостоились неодобрительных взглядов, хотя к столику нас провожал мистер Лок собственной персоной.

– И чего они так таращатся! – стонал Эмерсон. – Никакого понятия о приличиях! Их что-то смущает в нашем облике?

– Вы и миссис Эмерсон – известные люди, – тактично отозвался мистер Лок. – Знаменитостей принято разглядывать.

– Вы, несомненно, правы, Лок, – молвил Эмерсон. – Но с хорошими манерами ваши гости все равно не в ладах.

Я надеялась увидеться с кем-нибудь из наших друзей-ар-

хеологов, но никого из них не высмотрела. Только когда настал момент выбрать Рамсесу что-нибудь на сладкое, послышался неуверенный голос, назвавший мое имя. Это оказался молодой археолог Говард Картер¹. Он с благодарностью принял мое приглашение выпить с нами кофе. Поприветствовав Рамсеса и воздав дежурную хвалу Эмерсону, мистер Картер объяснил, что прибыл в Каир по делу, но не избежал соблазна полюбоваться пирамидами в полнолуние.

– Только не выдавайте меня профессору Невиллу! – взмолился молодой человек. – Мне не положено отвлекаться от работы.

– Вы все еще заняты раскопками в Фивах? – спросила я. – Мне казалось, вы уже закончили с храмом Хатшепсут.

– Там надо еще многое сфотографировать и отреставрировать.

– Представляю, к чему все это приведет! – не выдержал Эмерсон. – Когда Невилл наконец уймется?! После его возни ни один нормальный человек уже не сумеет представить, как выглядел храм первоначально.

– Вы говорите, как Питри, мой учитель, – улыбнулся Картер.

Эмерсон нахмурился. Я догадалась, что он позабыл о вражде между Невиллом и Питри². Эмерсон никак не мог

¹ Говард Картер (1874–1939) – английский египтолог, впоследствии прославившийся открытием гробницы Тутанхамона.

² Питри Уильям (1853–1942) – английский археолог, начавший систематиче-

решить, чью сторону принять, а остаться нейтральным не позволял характер. Как и Питри, он невысокого мнения о профессионализме Невилла, но вслух согласиться с главным своим соперником было выше его сил.

– Питри – великолепный наставник, – продолжал Картер как ни в чем не бывало. – Я всегда буду ему благодарен. Но с Невиллом он неоправданно суров. Да, иногда Невилл слишком торопится, но...

Эмерсон не мог больше сдерживаться.

– Торопится? Неужели он действительно сваливает мусор в старой каменоломне? Если это так, то он – вы уж меня простите – просто набитый дурак! Ведь в каменоломне наверняка есть гробницы. Теперь они завалены тоннами мусора.

Картер счел за благо сменить тему, за что я была ему очень признательна.

– Поздравляю с получением разрешения на раскопки в Дахшуре, – сказал он. – Питри удивлялся, как вы этого добились от мсье де Моргана. Сам он неоднократно пытался попасть в Дахшур, но всякий раз неудачно.

Я старалась не смотреть на Рамсеса, Эмерсон почесывал подбородок и самодовольно ухмылялся.

– Все, что для этого потребовалось, милый юноша, – немного такта. У Питри масса достоинств, но такта ему недостает. В этом году он, кажется, работает в Саккаре?

– Нет, там Квибелл, его ассистент, копирует надписи в

гробницах, – ответил Картер, улыбаясь мне. – Между прочим, в этом году в его группе есть молодые дамы. Придется вам поделиться лаврами с другими представительницами прекрасного пола, миссис Эмерсон. Наконец-то женщины громко заявляют о себе!

– Браво! – воскликнула я с чувством.

– Сам же Питри, – продолжил Картер, – отправился в Карнакский храм. Остальные присоединятся к нему чуть позже. Я встречался с ним перед отъездом. Уверен, он передал бы вам поклон, если бы знал, что мне посчастливится увидеть вас.

Эта вежливость настолько противоречила истине, что мистер Картер при всем старании не мог бы придать ей убедительности.

– Другой наш сосед – Сайрус Вандергельт. Он тоже часто вспоминает вас, профессор, и миссис Эмерсон.

– Не сомневаюсь. – Эмерсон бросил на меня подозрительный взгляд. Интерес американца к противоположному полу доставил Эмерсону немало неприятных минут. В любом, даже самом невинном комплименте, сказанном мне посторонним мужчиной, Эмерсон усматривает заигрывание. Что ж, я не тороплюсь его разубеждать: его ревность мне льстит.

– Говард, почему бы вам не предложить свои услуги Вандергельту? – спросила я. – Он славится своей щедростью.

– Он уже меня звал, – сознался Картер. – Но мне не хочется работать на состоятельного дилетанта, развлекающегося

египтологией. Таким, как он, подавай только сокровища и заброшенные гробницы.

Предложение залезть с нами за компанию на пирамиду Картер отклонил, сославшись на занятость. Простившись с ним, мы пересекли чудесный гостиничный сад и двинулись вверх по склону, в сторону пирамид.

Не ждите от меня описаний величественного зрелища: у меня не хватит для этого восторженных слов. В небе висел огромный лунный диск, похожий на золотой круг, которым увенчивали цариц этой древней страны. Лунный свет заливал пейзаж, серебря пирамиды и бросая фантастические тени на загадочные черты Сфинкса. Казалось, чудо-зверь снисходительно улыбается при виде людишек, копошащихся у его основания. Песок казался белым, как свежавыпавший снег; здесь и там на него ложились тени разграбленных могил и рухнувших храмов.

Увы, удовольствие не могло не испортить вторжение горластой мелюзги, карабкающейся на Великую пирамиду с факелами в руках. Ночь оглашалась криками, хотя величайшее чудо света должно бы повергать нечестивцев в благоговейное молчание. Особенно кощунственно звучал один голос, вернее, отвратительный визг:

– Эй, Мейбл, видишь, куда я забрался?! Видишь?!

Ответ Мейбл терялся в ночи, зато его с лихвой заменял чей-то презрительный гогот.

Потом я увидела уже знакомый открытый экипаж, а в нем

– мисс Дебенхэм, переодевшуюся в вечернее платье из белого атласа. Голые руки и декольтированная грудь сияли в лунном свете, как слоновая кость, в черных волосах мерцали бриллианты. Каленищефф, неизменный спутник красавицы, являл этюд в черно-белых тонах. Его грудь пересекала лента некоего, скорее всего несуществующего, ордена. Лунный свет скрадывает цвета, поэтому лента казалась черной, как полоса в дворянском гербе, свидетельствующая о незаконнорожденности.

Я направилась было в их сторону, но Каленищефф хлестнул лошадей, и экипаж запыхтел дальше по плато.

– Кретины! – процедил Эмерсон. – Напрасно мы сюда притащились, Пибоди. Я должен был сообразить, что сегодня здесь соберутся все болваны туристы, какие только есть в Каире. Пойдем дальше или вернемся в гостиницу?

– Лучше пойдем, раз уж мы здесь, – ответила я. – Не отходи от нас ни на шаг, Рамсес!

Вокруг всюду старались гиды-самозванцы, торговцы фальшивыми древностями и бродяги всех мастей. Наперебой звучали предложения помочь, показать, рассказать, проводить. Луна заливала беспощадным светом сомнительных скарабеев на грязных ладонях. На каждого туриста приходилось примерно по три непрошенных помощника: двое тянули доморощенного альпиниста-разиню вверх, третий подталкивал его снизу. Помощь такого рода не только не нужна, но и вредна, так как высота блоков-ступеней пирамиды редко

превышает три с половиной фута.

Мы тоже чуть не подверглись нападению, но человек, командовавший помощниками-стервятниками, вовремя узнал Эмерсона и приветствовал его почтительным «Ассалам алейкум», хотя обычно мусульмане здороваются так только с единоверцами. Эмерсон ответил таким же приветствием, но отверг предложение шейха Абу – главаря шайки несносных приставал – затащить нас на вершину пирамиды. Только для Рамсеса мы наняли двоих помощников, я же положила на Эмерсона.

Лето я провела вертя педали велосипеда, копаясь в саду и носясь верхом на лошади, но все равно оказалась не совсем в форме и была рада, когда Эмерсон время от времени подавал мне руку. Снизу казалось, что стены пирамиды усеяны людьми, но это было ложное впечатление. Мы миновали по пути только две группы, расположившиеся на привал. Время от времени до моих ушей доносился голос Рамсеса, затеявшего, несмотря на нехватку дыхания, бесконечный разговор со своими провожатыми.

Великая пирамида лишилась на каком-то этапе своей истории острия, и теперь его заменяет площадка в тридцать футов. Сейчас там отдыхали на камнях, вернее, пытались отдышаться покорители вершины. Мы обогнули их и остановились на краю площадки.

Я не впервые штурмовала пирамиду Хеопса, но никогда не делала этого ночью. Оттуда в любое время открывается

захватывающий вид, но при свете луны он был поистине волшебным. На востоке серебрилась лента Нила, отороченная пальмами, казавшимися издали черными спичками с жеваными кончиками. Дальше переливался бесчисленными огнями Каир.

Но наши взоры были обращены к югу, к затерянному среди безмолвных песков древним гробницам на месте некогда могущественной столицы – Мемфиса. Там виднелись два конуса – пирамиды Дахшура, которыми нам предстояло заняться в этом сезоне.

Я лишилась дара речи – полагаю, от избытка чувств. Этого, возможно, не произошло бы, если бы после подъема у меня не перехватило дыхание, а Эмерсон, тоже расчувствовавшись, не вцепился своими железными пальцами мне в руку. Так или иначе, мы застыли, околдованные магией лунной ночи.

Не знаю, долго ли мы так простояли, – может, десять секунд, а может, и все десять минут. Наконец, более или менее отдышавшись, я обернулась к Рамсесу.

Но его и след простыл.

II

Сначала я решила, что ошиблась. Рамсес – мастер испаряться, но исчезнуть с небольшой площадки на высоте двухсот пятидесяти футов, не вызвав переполоха, даже ему не под силу. Эмерсон обнаружил его исчезновение одновременно со мной.

– Пибоди! Где Рамсес? – взревел он.

– Наверное, где-то здесь... – начала я.

– Я думал, ты за ним следишь. Господи! – Эмерсон запрокинул голову и заорал что было мочи: – Рамсес! Рамсе-ес!

Имя «Рамсес», особенно если его выкрикивают на вершине пирамиды, не может не привлечь внимание: логично предположить, что призыв обращен не к непослушному английскому мальчишке, а к призраку одного из самых знаменитых древнеегипетских фараонов. Какая-то толстая туристка, отдохавшая на камнях, свалилась от изумления со своего насеста, другие, наоборот, с возгласами недоумения и тревоги повскакали на ноги. Эмерсон забежал по площадке, заглядывая под камни и под дамские юбки, к вящей тревоге всех присутствующих.

Мне предложил помощь незнакомый джентльмен, осанистый круглолицый американец со светлыми усами щеточкой и соломенными волосами – их он продемонстрировал, учтиво сняв шляпу.

– Не пойму, что вы ищете, мэм, – вежливо проговорил он, – но если Калеб Т. Клаузхеймер может быть вам полезен...

– Я ищу маленького мальчика, сэр.

– По имени Рамсес? Гром и молния, мэм! Надо же было так назвать сорванца! Сдается мне, здесь действительно сновал какой-то мальчуган...

Я рассеянно поблагодарила его и бросилась к Эмерсону, пытавшемуся разглядеть что-то внизу.

– Наверное, он упал, Пибоди... Вот проклятье! Никогда себе этого не прощу. Надо было привязать его к себе веревкой, как я всегда поступал. Надо было...

– Успокойся, Эмерсон. Не мог он упасть! Это же не отвесная пропасть, мы бы слышали, как он ударяется о ступеньки. Даже Рамсес не сдержал бы крик, если бы с ним произошла такая неприятность. Нет, скорее он почему-то вздумал спуститься, хотя я строго-настрого запретила ему от нас отходить.

Эмерсон метнулся к северному краю площадки, чтобы еще раз посмотреть вниз. Северная сторона пирамиды была погружена во тьму, но у Эмерсона орлиный взор, не ведающий никаких преград, а сейчас зоркости способствовало еще и родительское горе. До моего слуха донесся его крик:

– Видишь людей там, слева? Это, часом, не провожатые Рамсеса? Что-то раньше я не видел среди них горбатого...

Лично я не могла разглядеть ничего, кроме белых балахо-

нов, какие носят все египтяне до одного. С высоты они походили на скользящие пятна лунного света.

– Не знаю, кто они и что тащат... – проговорила я.

Выяснилось, что я обращаюсь к пустому месту: Эмерсон уже скакал вниз по огромным ступеням, как одержимый. Я устремилась за ним, с каждой секундой отставая все больше.

Спрыгнув наконец с нижней ступени и уйдя почти по колено в песок, я огляделась. Эмерсона поблизости не оказалось. Я утешилась мыслью, что нашего сына тоже не видно, из чего можно было заключить, что он достиг поверхности плато невредимым.

Если читателю показалось, что судьба супруга меня беспокоит больше, чем судьба сына и наследника, то вынуждена признаться: так оно и есть. Я давно уже перестала переживать из-за Рамсеса. Дело вовсе не в отсутствии материнской привязанности, просто моя норма переживаний исчерпана до дна. К пяти годам на счету Рамсеса было не меньше проделок, чем у большинства людей к пятидесяти, а я затратила на него столько же нервов, сколько другие матери тратят на выводок из дюжины детей. К тому же, должна сказать – конечно, столь иррациональные соображения можно доверять только личному дневнику, – у меня возникло почти суеверное убеждение, что Рамсес умеет избегать самых чудовищных бед и выходить сухим из самой мокрой воды.

Не зная, в какую сторону побежал Эмерсон, я выбралась из песка и поплелась наугад – как оказалось, к северо-во-

сточному углу пирамиды. Там не было ни души: туристы и донимающая их египетская братия предпочитают освещенные участки. Внезапно откуда-то из ночи долетел приглушенный расстоянием крик:

– Ра-амсе-ес!!!

Черт, Эмерсон ведет поиски в противоположной стороне... Можно было развернуться, но я решила обойти пирамиду, полагая, что рано или поздно мы все равно встретимся, описав круг, точнее, правильный квадрат.

Пирамиды Гизы – наиболее заметные сооружения, поднимающиеся на плато, но вокруг них немало полузанесенных песком развалин. Когда бродишь в таком месте, тем более ночью, желательно смотреть под ноги, не то обязательно свалишься в пустую могилу или в лучшем случае споткнешься о надгробный камень. Понятно, почему я продвигалась прискорбно медленно. Мысленно я репетировала обличительную речь, которую обрушу на Рамсеса, когда он найдется, – а в этом я не сомневалась.

Внезапно мне послышалось... точно, перебранка и шум возни. Сначала я не могла определить, откуда доносятся глухие удары и яростные вскрики. Известно, что в сухом воздухе пустыни звуки разносятся очень далеко. Волчком вертась на месте, я все-таки углядела в ночном сумраке какое-то мельтешение. Смутные силуэты поспешно укрылись за одной из маленьких разрушенных пирамид, едва угадывающихся у подножия Великой пирамиды.

Я кинулась в погоню, держа наготове зонтик. Разумеется, мне было неведомо, за кем я гонюсь, но если рассуждать логически, то, скорее всего, удирали провожатые Рамсеса, которых он убедил тайком спуститься. У нашего чада всегда найдутся причины для очередного фокуса. Правда, пониманию обычного человека они недоступны.

Я то и дело падала, что не позволяло развить желаемую скорость. Окружающие предметы сливались в одну темную массу. С трудом выбравшись из очередной ямы, я стала свидетельницей тревожного, но в то же время обнадеживающего зрелища. Неподалеку семенила призрачная фигура в белом, в которой я немедленно признала одного из наших провожатых. К груди человек прижимал какую-то темную ношу. У ноши имелись четыре конечности, и она яростно дергала всеми четырьмя, издавая при этом вполне членораздельные звуки. Не составляло труда узнать голос Рамсеса, который с присущей ему нудной многословностью требовал, чтобы его поставили на землю. На месте мужчины в белом я бы давно устала слушать это нытье, смешанное с нотациями, и выполнила просьбу.

Со свойственной мне похвальной быстротой я пересмотрела свою прежнюю теорию о причинах Рамсесова непослушания. Стало ясно, что он покинул верхушку пирамиды не по своей воле. Правда, непонятно, как злоумышленникам удалось его похитить, избежав криков и суматохи, но этот любопытный вопрос я отложила на потом. Первым делом

требовалось освободить Рамсеса, чем я и занялась: выпрямилась в полный рост и со всех ног рванула за похитителем, воинственно размахивая зонтиком.

При виде меня похититель так и остоленел. На его лице был написан невыразимый ужас, бежать он даже не пытался. Мне только и оставалось, что с размаху треснуть его зонтиком по голове.

Злодей испуганно вскрикнул и схватился обеими руками за голову. Этого я и добивалась: Рамсес рухнул в песок. Сообразив, что тюрбан наверняка смягчил удар, я для верности ткнула похитителя кончиком зонта в солнечное сплетение. Такого маневра он явно не ожидал и повалился навзничь. Я уже собиралась его добить, чтобы избавить от мучений, как вдруг две маленькие руки цепко ухватили меня за лодыжку и дернули. Если бы не мое универсальное орудие, я бы не собрала костей. Опершись на зонтик, я набросилась на любимое чадо:

– Что ты вытворяешь, Рамсес? Ведь этот негодяй тебя похитил! Это ведь было похищение, правда?.. Если нет, то тебе не поздоро...

– Я предотвратил поштупок, мамочка, о котором ты бы шама же потом обязательно пожалела. – Рамсес выплюнул песок. – Этот человек...

По части грамматики и синтаксиса к его речи, как всегда, невозможно было придаться, но эти шепелявые звуки... И песок был здесь совершенно ни при чем.

– Следи за своей речью, Рамсес, – напомнила я машинально.

Мой зонтик оказался мощным оружием: поверженный не подавал признаков жизни. Я зорко следила за ним, держа смертоносное оружие наготове. Рамсес тем временем предложил собственную версию случившегося:

– Этот человек меня не похитил, а спас. Какие-то люди поволокли меня с пирамиды вниз, но он набросился на них, хотя мои похитители были вооружены. У одного был длинный нож, известный под названием «сиккинех», а у другого...

– Об этом потом. Ты совершенно уверен?.. Впрочем, ошибиться было бы трудно. Но почему ты брыкался? Я бы не действовала так решительно, если бы не испугалась за тебя. Со стороны все выглядело так, словно ты пытаешься вырваться.

– Просто я хотел, чтобы он позволил мне идти самому, – пояснил Рамсес.

– Что ж, звучит разумно.

Я пригляделась к неподвижной фигуре на песке. В темноте было трудно разобрать черты лица, но обонянию темнота не помеха: я уловила сильный сладковатый запах. Выпрямившись, я возмущенно фыркнула.

– Опиум! Этот человек – наркоман.

– Для такого предположения есть все основания, – поддержал меня Рамсес со своей дурманящей не хуже опиума

рассудительностью. – Он жив?

– Разумеется, жив!

– Очень рад. Не хотелось бы платить ему черной неблагодарностью. Что касается его привычек, то нам не должно быть до них дела, тем более ввиду сложившихся обстоятельств...

Я едва не застонала.

– Прошу тебя, Рамсес! Тес... Кажется, сюда идет – вернее, несется на всех парах – твой папаша. Будь добр, крикни ему, не то он будет курсировать вокруг пирамиды до скончания века.

Рамсес подчинился. Вопли Эмерсона, тоскливо повторявшего имя древнеегипетского фараона, мгновенно приобрели утраченную было пронзительность. Рамсес окликнул его снова. Так они орали до тех пор, пока Эмерсон не вырос перед нами и не бросился к своему отпрыску. Раздался несильный хлопок – это из легких Рамсеса разом вышел весь воздух. Зная, что какое-то время к Эмерсону не вернется способность к членораздельной речи, я сосредоточилась на поверженном спасителе Рамсеса.

Стоило мне наклониться, как в ноздри снова ударил тошнотворный опиумный дух. Подавив отвращение, я стянула с его головы тюрбан, чтобы лучше определить степень ущерба. Раненый зашевелился и закрыл лицо ладонями.

– Вставайте, – произнесла я ободряюще. – Не бойтесь. Я ударила вас по ошибке. Ребенок поведал мне о вашей храб-

рости.

Ответа пришлось дожидаться долго. Наконец из-под тряпок раздался сдавленный голос:

– Отпустите меня, госпожа. Я ничего не сделал. Мне ничего не надо. Отпустите!

– Клянусь всемогущим Аллахом, я вам не враг. Наоборот, хочу вас отблагодарить. Позвольте мне взглянуть на вас при свете луны. Вдруг вы ранены? – Человек не шелохнулся, и я нетерпеливо продолжила: – С нами вы в полной безопасности. Вот этот мужчина – великий и знаменитый Эмерсон, Отец Проклятий, а я – его жена, меня еще называют Ситт-Хаким.

– Я вас знаю, госпожа.

– Чего же вам тогда бояться? Если вы слышали мое имя, то вам понятен его смысл: госпожа доктор имеет кое-какие медицинские познания и...

Как и следовало ожидать, последние слова долетели до слуха Эмерсона, который редко упускает шанс поиздеваться над моим стремлением исцелять страждущих. Тем не менее на сей раз он воздержался от язвительных замечаний. Видимо, Рамсес объяснил ему ситуацию и чувство признательности потеснило иронию. Схватив поверженного человека за руку, Эмерсон одним рывком поставил его на ноги.

– Да пребудет на вас благословение отца спасенного сына... – начал он на сочном арабском, сжимая бедняге ладонь в нещадном пожатии.

Но продолжить речь не удалось: спаситель сына упал на колени и уронил голову.

– Вам нет нужды преклонять передо мной колена, – величественно пророкотал Эмерсон.

– На мой взгляд, папа, это не проявление благодарности, а обморок, – деловито подсказал Рамсес. – Я уже говорил, что один из нападавших был вооружен ножом, – такие здесь зовутся...

– Будь я проклят! – удивленно выругался Эмерсон. – Кажется, ты прав, Рамсес. Его пальцы выпачканы чем-то липким... По-моему, это кровь.

– Раз уж ты в него вцепился, Эмерсон, то хотя бы вытащи на лунный свет, – подсказала я. – Но советую обращаться с раненым поаккуратнее.

– А ведь верно... – пробормотал Эмерсон. Подхватив раненого под мышки, он оттащил его в сторонку, где было по-светлее.

Здесь уже собрались любопытные. Убедившись, что речь идет о презренном оборванце, европейцы тотчас потеряли к происходящему интерес. Зато египтяне, узнав Эмерсона, столпились вокруг нас, ожидая развлечения. Один обнадежил соседа такими словами:

– Отец Проклятий – прославленный маг. Вдруг он умеет воскрешать мертвых?

Сцену предстоящего воскрешения услужливо освещали факелами и фонарями. Шейх Абу подскочил к Эмерсону,

чтобы его поздравить.

– Хвала Аллаху, ваш сын спасен!

– Именно так, – отозвался Эмерсон. – Но ваших людей хвалить совершенно не за что. Вы у меня еще...

– Давай не отвлекаться на мелочи, Эмерсон, – вмешалась я. – Поднесите фонарь ближе, Абу. И дайте мне ваш нож.

В теплом желтом свете керосинового фонаря пятна на рукаве бедняги, казавшиеся раньше чернильными, зловеще заалели. Я отняла у Абу нож и приготовилась разрезать ткань. Замершая в ожидании толпа удивительно напоминала груды тюков с грязной одеждой, свалившихся с телеги.

– Это великая Ситт-Хаким, – прошептал кто-то. – Сейчас она отрежет ему руку и съест!

– Отойди, дай посмотреть! – всполошился другой невидимый зритель.

Ножевая рана обнаружилась между кистью и локтем. К счастью, главные мышцы и кровеносные сосуды не пострадали, тем не менее я потуже наложила повязку. Пациент лежал неподвижно, не размыкая век, но я догадывалась, что он уже пришел в сознание. Догадка подтвердилась, когда я попыталась снять с него тюрбан: он схватил меня за руку, пытаясь помешать оголить голову.

– Я должна осмотреть ваш череп. Вдруг у вас... Черт, – пробормотала я, переходя на родной язык, – как будет по-арабски «сотрясение мозга от удара зонтиком»?

– Если такой диагноз существует, я с ним не знаком, – за-

метил Рамсес, садясь рядом со мной по-турецки. Он принял эту позу с той же недоступной мне легкостью, с какой ее принимают все египтяне, вплоть до дряхлых стариков. – Но ты можешь не искать арабский эквивалент, мама: сей джентльмен – англичанин.

– Учтивость – похвальное качество, – ответила я сыну, радуясь, что он в кои-то веки сам умолк. – Однако вряд ли оправданно называть джентльменом этого несомненно честного, но в остальном сомнительного субъекта. Ты сказал, что он англичанин?

– Самый настоящий. Я подумал так еще вчера, когда он жонглировал апельсинами, выкатившимися из тележки старого торговца. Кельтам присущи характерные черты и телосложение, к тому же щетина на его лице, пусть и потемневшая от грязи, явно рыжая. Если у тебя, мамочка, есть сомнения по поводу моей наблюдательности или познаний в анатомии, то добавлю, что с его губ сорвалось словечко «дьявол», а оно...

Занудство нашего чада воистину доведет меня когда-нибудь до могилы!

Тут человек, которого Рамсес причислил к соотечественникам, отчетливо простонал:

– Дьявол!

Глаза открылись и оказались синими – но не сапфировыми, как у Эмерсона, а цвета бирюзы, излюбленного камня древнеегипетских ювелиров.

– Чепуха! – отрезала я, не желая признавать свою ошибку. – Встречаются же берберы с синими глазами и высокими скулами! Эти дети пустыни – очень красивый народ. Жаль, что один из них довел себя до столь плачевного состояния.

– Зато если бы в том же состоянии оказался представитель несравненной британской расы, это вызвало бы куда больше сожаления, не правда ли? – проговорил мой пациент на чистейшем английском и насмешливо улыбнулся. – Увы, вынужден вас разочаровать, мэм. Благодарю за участие и прошу отпустить меня обратно в канаву, где такому оборванцу самое место.

Он попытался встать, но снова рухнул, лишившись чувств. Я воспользовалась его беспомощностью и наконец-то сорвала грязный тюрбан и бурую тюбетейку. Удивляться, почему незнакомец так не хотел оголять голову, не приходилось: среди берберов действительно встречаются голубоглазые, но никак не блондины... Гм... У человека, лежавшего на песке, шевелюра была того золотистого оттенка, что встречается только у северян. Волосы изрядно посеребрила седина, но, взглядевшись в темное от загара и, как верно заметил Рамсес, от грязи лицо, я убедилась, что человек совсем молод. Что за ужасная трагедия вызвала преждевременную седину? Или все дело в разгульной жизни и пристрастии к наркотикам?

Размышления грубо прервал Эмерсон. Осыпав проклятиями бедного Абу, он пришел в прекрасное настроение.

Мой дорогой супруг вообще обожает устраивать разносы.

– Итак, наш герой – англичанин? Точнее, шотландец... Ничего, Рамсес, он не обидится на тебя за эту маленькую ошибку. – Эмерсон склонился над раненым. – Предлагаю всем вместе вернуться в гостиницу, дружище.

Джентльмен – а выговор незнакомца свидетельствовал об образованности – взирал на нас без всякой признательности.

– Если вам так хочется отблагодарить меня за услугу, то лучше оставьте околевать в канаве. Туда мне и дорога.

– Уважаю ваше стремление к независимости, – ухмыльнулся Эмерсон. – Но речь идет не о благодарности, а о должности.

– Что?!

От удивления с физиономии молодого человека исчезла недовольная гримаса. Я с интересом смотрела на лицо, отмеченное печатью грусти. Так, тут определенно требуется женское участие. Я уже собиралась сообщить об этом Эмерсону, но он проворно ткнул меня локтем в бок. Не удержавшись на корточках – терпеть не могу эту шаткую позицию! – я повалилась набок, и, пока с кряхтеньем принимала более достойную позу, Эмерсон развил свою мысль:

– Я давно ищу сильного и надежного человека, который приглядывал бы за моим сыном. Меня зовут Эмерсон, а эта леди...

– Я знаю, кто вы такой, сэр.

– Значит, вы знаете и о том, что миссис Эмерсон – моя

коллега по профессии и жена... Ты когда-нибудь встанешь, Амелия? Это очень непрофессионально – валяться на земле, как перевернутый жук! Так вот, из-за нехватки времени она не может уделять Рамсесу достаточно внимания...

– Действительно, если события этого вечера типичны для юного джентльмена, то за ним нужен глаз да глаз, – слабо улыбнулся незнакомец.

– События этого вечера не... – Эмерсон запнулся. – Так или иначе, завтра утром мы выезжаем в Дахшур и приступаем к раскопкам. Вы бы оказали нам услугу, если бы согласились продолжить дело, для которого, судя по всему, в высшей степени пригодны.

Это предложение удивило молодого человека не меньше, чем меня. Его улыбка утратила учтивость.

– Профессор, вы, должно быть, не в своем уме! Неужели вы доверите сына вероотступнику, бродяге, курильщику опиума и приверженцу гашиша?

– На сей счет у меня... – вмешалась было я, но тут же прикусила язык, увидев локоть Эмерсона и вспомнив о необходимости сохранять профессионализм.

– Если вы будете воздерживаться от наркотиков в рабочее время, то я не стану обращать внимания на ваши дурные привычки, – пообещал Эмерсон.

– Что ж... Почему бы не попытаться? По крайней мере, это что-то новенькое.

– Итак, возвращаемся в гостиницу, – подытожила я, с об-

легчением выпрямляясь.

– Я с вами не поеду, – твердо заявил молодой человек.

– Это еще почему?

– Потому что не хочу, – последовал упрямый ответ.

– Решайте: либо «Шепард», либо катитесь ко всем чертям! – рявкнул Эмерсон, исчерпав терпение. – Значит, вы отклоняете мое предложение, мистер...

– Зовите меня Немо.

Эмерсон приподнял брови. Молодой человек предупредил его язвительный ответ словами:

– Я не отказываюсь, просто до отъезда из Каира мне придется завершить кое-какие свои дела. Я буду у вас в гостинице завтра. Назначьте время.

– Семь утра.

– В семь так в семь. До завтра, профессор.

Не пожелав опереться на мою руку, спаситель Рамсеса самостоятельно поднялся и, не оглядываясь, побрел прочь.

Мы вернулись к своему экипажу. Среди других конных повозок, поджидавших туристов, не оказалось самой шикарной, принадлежавшей Каленищеву.

– Ну, Пибоди? – молвил Эмерсон под шорох колес.

– Ты о чем, Эмерсон?

– Что скажешь о новом помощнике? Странно, что ты так долго воздерживалась от комментариев.

Я бы не воздерживалась, если бы не его сокрушительный локоть.

– Прекрасная мысль! Я и сама хотела предложить то же самое, но ты меня... э-э... опередил.

– Неужели?

– Представь себе. Мы обязаны протягивать руку помощи несчастным, тем более нашим соотечественникам. Уверена, что этот молодой человек пережил разочарование – скорее всего, любовное, потому и пал так низко. Надеюсь, ты не обвинишь меня в хвастовстве, если я напомним, что опыта и здравого смысла мне не занимать.

– Мои мотивы не столь альтруистичны, Амелия. Просто мне нужен человек для присмотра за Рамсесом, пока мы с тобой... В общем, когда нам не до него. Знаю, ты все равно станешь читать ему нравоучения, призывая отказаться от своих пагубных привычек. Но прошу тебя, Пибоди, не слишком зли его, чтобы он не плюнул и не сбежал! Это все, что я могу сказать. А почему ты помалкиваешь, Рамсес?

Рамсес откашлялся:

– Благодарю, папа. Я ждал, что моим мнением поинтересуются: в конце концов, я – самое заинтересованное лицо. Если не принимать во внимание то обстоятельство, что мне не требуется нянька, какого бы пола она ни была...

– Кажется, совсем недавно тебе понадобилась помощь, – напомнила я. – Ты был так беспечен, что тебя похитили у нас из-под носа!

Рамсес открыл рот, но Эмерсон, зная не хуже меня о словоохотливости сына, быстро заговорил:

– Насколько я успел понять из слов Рамсеса и Абу, злоумышленники действовали очень аккуратно. Похитителями были вовсе не провожатые, поднимавшиеся с нами на пирамиду. Абу расспросил своих людей. Оказалось, что их отпустил американец, назвавшийся нашим спутником. Свои слова он сопровождал щедрым бакшишем, чтобы у них не возникло лишних вопросов.

– Удивительно! Я думала, что это примитивная попытка вымогательства, в худшем случае – проделки Каленищеффа, решившего задержать нас, пока он не закончит какие-то свои подлые делишки.

– Ты думала неправильно, Пибоди. Каленищефф не посмеет встать на пути у МЕНЯ.

И Эмерсон оскалил зубы, словно собрался вцепиться негодяю в глотку. Должна сказать, его аргументация выглядела убедительно.

– Тогда кто же? Кто мог покуситься на Рамсеса, если не... Боже, Эмерсон!

– Смотри не произноси гадких слов, Пибоди!

– Именно он, и никто иной! Гений Преступлений!

III

Не буду воспроизводить наш дальнейший разговор. Реплики Эмерсона были крайне бессвязны и преследовали одну цель – не дать мне пикнуть. Рамсес, по своему обыкновению, пытался вставить словечко, вернее, пространную тираду, но без всякого успеха. Экипаж уже подкатил к гостинице, а Эмерсон все не мог успокоиться. Я прекратила спор, чтобы не позорить себя криком в гостиничном вестибюле.

Коридорный сообщил, что в наше отсутствие к нам в номера доставили многочисленные свертки. Эмерсон кивнул и бросил коридорному монетку.

– Наверное, это мои сегодняшние покупки. Хорошо, что хоть что-то получилось!

Свертки были свалены в углу. Поверх кучи гордо, как часовой, восседала Бастет. Караульную службу она несла исправно, внушая ужас гостиничной челяди. Суеверные египтяне, учитывая ее сходство с изображениями кошек в древних гробницах и собачью преданность хозяину, подозревают, что дело с нашей Бастет нечисто. Они недалеко от истины: недаром мы дали ей имя древнеегипетской богини.

Бастет и Рамсес приветствовали друг друга с такой страстью, словно не виделись по меньшей мере год. Однако кусочки жареной курицы, которые наш сын припас для своей хвостатой подружки, были ею высокомерно отвергнуты.

– Любопытно, – протянул Рамсес, – очень любопытно...

Спорить с этим было трудно: жареная курица – любимое лакомство нашей кошки.

– Может, еда отравлена? – предположила я.

– Тогда мы уже бились бы в агонии, а то и вовсе отправились на тот свет, – язвительно ответил Эмерсон. – Хватит с меня мелодрам! Рамсес, тебе пора спать! А ты, Амелия...

– Да, Рамсесу и впрямь пора в кровать, вставать завтра ни свет ни заря. Дверь в его комнату придется оставить открытой, мало ли что...

Эмерсон послал мне взгляд, полный упрека.

– Дорогая моя Пибоди... – начал он.

– Ничего не поделаешь, Эмерсон.

– Что ж... После всех этих приключений твой сон, Рамсес, будет очень крепок. Если ты проснешься и услышишь... В общем, что бы ты ни услышал, не обращай внимания.

– Даже на самые ужасные звуки, папа?

– Даже на самые ужасные, сынок. Папа сам разберется.

– Хорошо, папа. А если ты или мамочка станете звать на помощь?

Невинный детский вопрос вогнал Эмерсона в краску, как школьника. Мне было забавно, но вмешиваться я не собиралась. Дорогой супруг сам вырыл себе яму, сам в нее свалился – пусть сам и выкарабкивается.

– Папа все тебе объяснит, дорогой, а я ненадолго отлучусь по одному делу.

Бронзовые щеки Эмерсона, только что заалевшие от смущения, теперь побагровели от подозрений.

— Какое еще такое дело?

— Я скоро вернусь.

— Пибоди, я категорически запрещаю... — Моя гримаса подсказала Эмерсону, что он выбрал негодный тон. — Я требую, чтобы ты воздержалась от вмешательства в дела, которые тебя не касаются. Уже поздно! Нельзя будить людей среди ночи, дабы прочесть им лекцию об их личной жизни!

— Раньше я собиралась побеседовать с мисс Дебенхэм с утра. Но ты ведь сам решил уехать из Каира так поспешно и даже не посоветовался со мной. Поэтому я и вынуждена поторопиться.

Не дав ему ответить, я выскользнула из номера.

Коридорный, дежуривший перед номером мисс Дебенхэм, сообщил, что она еще не вернулась, поэтому я решила поискать ее в вестибюле и на террасе.

Было еще не так поздно, как я опасалась, просто вечер оказался чересчур насыщен интересными событиями. Постояльцы отеля потягивали на террасе коктейли и наблюдали за акробатами, заклинателями змей и прочими жуликами, старавшимися изо всех сил. Однако мисс Дебенхэм там не было. Мне показалось, что в толпе «актеров» мелькнул оранжевый тюрбан, но разглядеть молодого англичанина мне не удалось. В конце концов, в грязном оранжевом тюрбане может разгуливать кто угодно.

В глубоком унынии я решила отложить поиски. Откуда мне было знать, когда вернутся мисс Дебенхэм и Каленищефф и вернутся ли вообще? Во время нашей стычки, о которой я уже вскользь упоминала, Каленищефф похвастался, будто у него в Каире собственное жилище. Вдруг он потащил мисс Дебенхэм туда?

Но раз так, мой долг и подавно заключался в том, чтобы предупредить юную особу об опасностях, грозящих ее репутации. Да и с Каленищеффом не мешает побеседовать. Я не сомневалась, что, призвав на помощь здравый смысл, угрозы и зонтик, заставлю его выложить правду. После похищения Рамсеса мой материнский долг – выяснить, кто же скрывается за этим фальшивым князем и чего хочет его таинственный хозяин. В прошлом году я уезжала из Египта, полная решимости вывести этого мерзавца на чистую воду. А его наглая попытка похитить нашего сына наглядно показала, что он не уймется, пока не отомстит мне и моей семье. Так что речь шла не только о справедливости, но и просто о самозащите. Непонятно, как Эмерсон умудряется этого не замечать.

Я устроилась в салоне и написала два письма. Первое, адресованное Каленищеффу, получилось коротким. Сообщив, что хочу как можно скорее переговорить с ним, в конце записки я пригрозила пустить в ход зонтик, если Каленищефф вздумает увильнуть от встречи. Достану негодяя хоть из-под земли. Письмо мисс Дебенхэм отняло больше времени: пришлось объяснить, кто я такая и почему к ней обращаюсь.

Объяснение я сопровождала коротким, но убийственным описанием истинной личины Каленищеффа и уверениями, что мы с Эмерсоном стремимся ей помочь. В завершение я призвала молодую особу взяться за ум и сойти с опасной дорожки, в конце которой ее ждет один позор. Чужое безумие всегда заметнее собственного.

Оставив письма портье, я с чувством выполненного долга отправилась к себе. Я сделала все, что смогла, – по крайней мере, на тот момент.

В номере горел ночник. Мы завели эту привычку, чтобы отпугивать повадившихся к нам грабителей и убийц. Мой супруг лежал на спине и дышал так размеренно, что я сразу догадалась: он лишь притворяется спящим. Даже когда я заняла свое место на супружеском ложе, Эмерсон не удостоил меня ни разговором, ни иными знаками внимания. Я поняла, что впала в немилость, но несколько не огорчилась: при малейшем шорохе из нашей комнаты Рамсес сразу забыл бы про сон.

Вернувшись в отель и прочтя мое письмо, мисс Дебенхэм непременно попытается переговорить со мной до нашего отъезда. Возможность урезонить ее была не потеряна, а только отложена. Предвкушение предстоящей нотации убаюкало меня лучше всякой колыбельной.

Увы, ожиданиям не было суждено сбыться. На заре нас разбудили отчаянные вопли слуг. В постели мисс Дебенхэм, на окровавленных простынях, был найден труп Каленищеффа.

фа. Он был убит ударом кинжала в сердце. Самой мисс Дебенхэм не оказалось ни в номере, ни в гостинице.

Глава 3

I

Солнце уже стояло почти в зените, когда мы сели в поезд, проходивший через Дахшур. Эмерсон кипел, как вулкан перед извержением, однако обвинить в задержке меня он не мог при всем желании. Случившееся смешало планы всех постояльцев отеля. Многих, в том числе и нас, допрашивала полиция.

– Напрасно ты согласилась разговаривать с этими остолопами! – бурчал Эмерсон. – Полицейские могли бы оставить гостей в покое, убийца все равно испарился из отеля задолго до того, как обнаружили тело.

– Если ты намекаешь на мисс Дебенхэм, то напрасно: она ни при чем. Я сочла своим долгом втолковать эту истину полицейскому.

– И зачем, скажи на милость, невинной прятаться?

– Господи, ну и недогадлив же ты! Бедняжку похитили убийцы Каленищеффа!

Эмерсон устроился поудобнее на потертом кожаном сиденье вагона. Справа высились пирамиды, но в данный момент ему было не до них. Мой ненаглядный супруг всегда делает вид, что ему очень досаждают убийства и прочие мелкие по-

мехи, то и дело прерывающие нашу работу, но я-то знаю, что у него чутье настоящего сыщика. После отправления поезда у нас впервые появилась возможность обсудить убийство. В синих глазах Эмерсона светился жгучий интерес.

– Если согласиться с твоей теорией, Пибоди, то Каленищефф погиб, защищая свою пессию. Нет уж, геройство – это совсем не то, чего я от него ожидал.

Я кивнула:

– Да, есть тут небольшое противоречие. Каленищефф был кем угодно, только не героем.

– Этот господин сам мог быть участником заговора, направленного против молодой леди, – подсказал Рамсес в своей витиеватой манере. – Предположим, целью заговорщиков были деньги, но Каленищефф предал своих сообщников и решил жениться на мисс Дебенхэм. Так он избежал бы необходимости делиться с...

– Я как раз собиралась предложить ту же версию, – перебила я недовольно. – А ты, Рамсес, лучше смотри в окно. Видишь ступенчатую пирамиду Саккары?

– Смотрю и вижу. Бастет тоже положительно оценивает открывающийся из окна вид, однако это нисколько не мешает мне участвовать в ваших...

Я повысила голос:

– Наверное, мисс Дебенхэм увели силой! Воспитанная англичанка никогда бы не сбежала.

– Ага, вот только ее поведение доказывает, что воспита-

ния ей как раз и не хватает, – брякнул Эмерсон.

Я предпочла пропустить эти слова мимо ушей.

– Будь ее воля, несчастная девушка набралась бы храбрости и осталась. Уверена, что она пришла бы ко мне. Наверняка мисс Дебенхэм прочла мое письмо: оно лежало раскрытым на ее туалетном столике.

– Это свидетельствует не в ее пользу, – упорствовал Эмерсон. – Получается, что вечером она побывала в номере, то есть на месте преступления, а потом исчезла. Полиция утверждает, что девица нашла время переодеться.

– Откуда им знать, что исчезло из ее шкафа, а? Представь, что ее уволокли прямо в ночной рубашке... Ужас!

– И протащили в таком виде по коридору, по лестнице, по вестибюлю, вниз с крыльца? – Эмерсон усмехнулся и покачал головой. – Нет, Амелия. Даже твой хваленый Гений Преступлений...

Он осекся.

– Вот видишь! – вскричала я. – Ты стремишься обвинить мисс Дебенхэм в преступлении, которого она не совершала, потому что не желаешь посмотреть правде в глаза. Откуда такое упрямство, когда ты сам сталкивался с этим человеком...

– Поберегись, Пибоди! – тихо пригрозил он.

– И не подумаю! Кто напал на нас в прошлом году в Мазгуне? Кто сколотил из жалких могильных воришек засекреченную профессиональную банду? Кто достиг совершенства

в изменении своей внешности, представ в роли отца Гиргиса, священника церкви в Мазгуне?

Эмерсон отделался гневным сопением.

– Гений Преступлений! – пискнул Рамсес.

Эмерсон едва не испепелил родного сына негодующим взглядом, однако тот продолжил как ни в чем не бывало:

– Полностью разделяю твое неодобрение по поводу этого громкого прозвища, папа, но вынужден согласиться с мамой: трудно назвать его как-то иначе. У нас есть все основания предполагать, что князь Каленищефф порвал со своим хозяином: на это указывает его решение внезапно и тайком покинуть Египет. Я склонен согласиться с мамой и в том, что за попыткой похитить меня стоит все тот же загадочный персонаж. Преступный ум – интереснейший объект для изучения. Не исключено, что этот человек затаил на меня злобу за то, что я – с вашей помощью, конечно, – помешал ему похитить дахшурское сокровище...

Эмерсон чертыхнулся – в знак согласия с Рамсесом. Пока сын не обрушил на наши головы очередную тираду, я быстро заговорила:

– Да, Рамсес прав! Его провожатые сказали, что их отпустил американец. Вчера на вершине пирамиды находилось немало туристов. Вполне возможно, что я даже разговаривала с этим американцем! Кто это был, если не сообщник Геня Преступлений?

– Почему не сам Гений? – Эмерсон собирался съязвить,

но перед моей логикой он был бессилён: на лице его отчетливо проступила растерянность.

– Потому что сам Гений Преступлений притаился у подножия Великой пирамиды! Я даже знаю, кто это. Мы давно решили, что он англичанин...

– Это уж слишком, Амелия! Даже от тебя я такого не ожидал! – взорвался Эмерсон. – Объясни, зачем ему было устраивать похищение мальчика, а потом его спасать?

– Не забывай, что Рамсеса спасло мое вмешательство. И мое первое впечатление, что этот человек куда-то его тащит, было правильным. Но, даже будучи поверженным (о своем непобедимом оружии я предпочла умолчать), он нашел убедительную отговорку, проявив недюжинный ум. А вот тебе и главное доказательство, Эмерсон: твой протеже не сдержал обещание и не появился утром!

Отсутствие таинственного мистера Немо испортило Эмерсону настроение даже сильнее, чем убийство в гостинице. Привычка помыкать окружающими давно превратилась в его вторую натуру. Я вела с ней упорную борьбу, твердо помня, что именно в борьбе обретается счастье.

– Наверное, его спугнула полиция. При его-то биографии...

– Дорогой мой Эмерсон, – сказала я снисходительно, – где твоя хваленая логика? Разве ты не видишь, что все факты указывают на мою правоту?

Супруг мой не нашелся что ответить. Не то что Рамсес.

Тот откашлялся и заявил:

– Прошу прощения, мама, но это не совсем верно. Некоторые факты противоречат твоим утверждениям, а один с ними вообще несовместим...

Эмерсон с надеждой вскинул голову:

– Так-так, сынок. Ты что-то заметил, пока находился с тем человеком наедине?

– Вы с мамой тоже это заметили. Не буду говорить о драке мистера Немо с похитителями – она вполне могла быть разыграна, хотя, должен признать, выглядела очень убедительно, так что если эти люди притворялись, то они талантливые актеры. Могу предложить на выбор несколько причин, зачем Гений Преступлений стал бы устраивать такое представление...

– Рамсес! – не выдержала я.

– Хорошо, мама. Как ни занятна твоя версия, ее подчеркивает внешний облик моего спасителя. На человека, известного нам как отец Гиргис, он совершенно не похож...

– Не забывай, что это непревзойденный мастер менять свою личину, – сказала я. – Достаточно избавиться от черной бороды и парика, чтобы...

– Но как быть с цветом глаз? – возразил Рамсес. – Помому, цвет глаз вчерашнего англичанина – вернее, как справедливо уточнил папа, шотландца – не вызывает у нас ни малейшего сомнения. Они у него синие.

Удар был жесток. Я, правда, попыталась его парировать:

– Профессиональные преступники добились успехов, какие не снились самым дерзким ученым. Способ менять цвет радужной оболочки...

– ...существует, боюсь, только в книжках, – закончил за меня неумолимый сын. – Я специально исследовал этот вопрос и не знаю, как можно перекрасить радужную оболочку.

Эмерсон злорадно захохотал.

– Один – ноль в его пользу, Пибоди! Посмотрим, как ты теперь выкрутишься.

Но признания поражения они от меня не дождались. Я допускала, что пренебрегла такой малостью, как цвет глаз, но это не опровергает главного – невиновности молодой англичанки. Что же до англичанина, предавшего свою веру, то если он и не был самым Гением Преступлений, то уж точно его подручным. Интуиция мне подсказывала: подозрительный тип участвовал в похищении нашего сына и мы никогда больше его не увидим – мистера Немо, конечно, а не Рамсе-са, пыжившегося перед очередной нескончаемой тирадой.

II

В Дахшуре нет железнодорожной станции, однако Эмерсон организовал короткую стоянку поезда посреди пустыни, иначе пришлось бы перевозить наш багаж на ослах. Должна признаться, что никому, кроме моего супруга, машинист не пошел бы навстречу. Только Эмерсон пользуется таким авторитетом: его силе убеждения, увесистым кулакам и мощным голосовым связкам стоит уступить хотя бы из чувства самосохранения. Другие пассажиры, разумеется, принялись жаловаться, но проводники оставили их недовольство без внимания.

У путей нас уже поджидали. Наши помощники провели на солнцепеке целых пять часов, так как мы не могли их предупредить, что не успели на более ранний поезд. Впрочем, ожидание их несколько не огорчило – устроившись в крохотной тени, они покуривали и лениво болтали. Типичный египтянин легко мирится с любыми задержками, объясняя их волей Аллаха. Это свойство национального характера выводит из себя европейцев и американцев, особенно последних: они слезно жалуются, что самое распространенное арабское слово – «бокра» (завтра). Зато Эмерсон считает, что восточное отношение к жизни куда разумнее нашей вечной суеты. Казалось бы, верное суждение, но сам он почему-то начинает просто выходить из себя, когда рушатся его планы.

В общем, состав затормозил, и наши славные работники неспешно поднялись на ноги. Стоило им увидеть спускающегося с подножки вагона Эмерсона, как тишину пустыни нарушили пронзительные приветственные вопли, сопровождаемые бурной жестикуляцией. В толпе выделялся ростом и благородной осанкой неизменный «раис» – наш верный помощник Абдулла. Он заключил Эмерсона в дружеские объятия, и его просторный халат затрепетал вокруг моего мужа на ветру, как тайфун. Эмерсон терпеливо выдержал этот натиск и приказал остальным забрать из вагона наш багаж.

Лично я приняла почтительные приветствия Абдуллы довольно рассеянно, поскольку именно в этот момент углядела в толпе работников человека, назвавшегося накануне мистером Немо, то есть Никем.

Молодой человек не пытался скрыться. Все в том же рваном халате, он наблюдал за нами, с невозмутимым видом сложив руки на груди. Правда, голова его сегодня была обнажена и на солнце пылала золотом.

Заметив мой интерес к рыжему новичку, Абдулла сказал: – Надеюсь, я не совершил оплошность, позволив этому человеку здесь находиться, госпожа? Выглядит он как последний бродяга, но утверждает, что его нанял Эмерсон. Потом мы поняли, что это англичанин, так что...

– Все в порядке, Абдулла, – успокоила я его. Так вот зачем молодой человек снял тюрбан! Иначе наши верные люди прогнали бы его в шею. Я испытала облегчение, потому что

сперва представила себе более варварскую процедуру опознания немусульманина.

– Доброе утро, миссис Эмерсон, – сказал Немо, подходя ко мне. – Вернее, добрый день. Я как-то отвык от английской вежливости.

Он еще позволял себе сарказм! Его безупречное произношение и поклон (так как снять с головы было уже нечего) свидетельствовали о знакомстве с хорошими манерами. Немо даже побрился. Признаться, в выбритом состоянии его физиономия вызывала симпатию, но я, конечно, не забыла, что подозреваю его в преступном двуличии. Неудивительно, что поначалу я приняла мистера Немо за бербера: высокие скулы, ястребиный нос, широкий лоб и тонкие губы – типичные признаки коренных жителей Северной Африки. Впрочем, такой тип встречается где угодно...

– Как ваша рука?

– Лучше не вспоминать. – Ответ прозвучал вполне вежливо, но лицо молодого человека тотчас замкнулось. Он явно не желал обсуждать эту тему.

– Я вынуждена помнить о вчерашнем, чтобы разобраться, годитесь ли вы для исполнения обязанностей, которые вам собираются поручить, – возразила я. – Никто в моей экспедиции не вправе страдать от недуга, который я не в силах исцелить. Это относится и к ослам, Абдулла.

– Конечно, госпожа, – почтительно отозвался Абдулла. – Мы вымыли ослов.

– Прекрасно! Как видите, мистер Немо, я забочусь о вас так же, как заботилась бы об осле, тем более что вы изрядно напоминаете это животное. Если вы не готовы к такому обращению, ступайте себе подобра-поздорову.

В синих глазах Немо что-то мелькнуло – то ли веселье, то ли обида. Наверное, он с самого утра воздерживался от наркотиков, иначе его глаза не были бы такими незамутненными.

– Хорошо, миссис Эмерсон, я докажу, что справлюсь со своими обязанностями. Думаю, лучше приступить к ним немедленно. Как я погляжу, юный Рамсес вот-вот будет расплюсчен ящиком, который пытается тащить. Ноша для него слишком велика.

С этими словами Немо ретировался. Казалось, что он вышагивает не спеша, но на самом деле передвигался молодой человек с удивительной стремительностью. К Рамсесу он подоспел очень вовремя: тот уже собирался рухнуть на песок под тяжестью непосильного груза.

– Ну, что ты о нем думаешь, Абдулла? – спросила я.

Я знаю Абдуллу много лет и очень уважаю. Мужчина он видный, ростом почти с Эмерсона. Несмотря на совершенно белую бороду, сил у него, как не у всякого молодого. Эмерсон лично обучил Абдуллу и его людей методам раскопок, так что многие из них заткнули бы за пояс иных европейских археологов. Бригаду Абдуллы кое-кто с радостью переманил бы к себе, но работники слишком преданы Эмерсону – наде-

юсь, и мне тоже. Абдулле я без раздумий доверю свою жизнь. Эмерсон доверял ему нечто еще более ценное – свои раскопки. Доказательство большего уважения трудно вообразить.

Единственной слабостью славного Абдуллы, не считая внушительной коллекции жен, является неистребимое суеверие. Он свято верит в ифритов и демонов, хотя мы неустанно ему доказываем, что за сверхъестественными явлениями обычно стоят простые двуногие, склонные к негодяйству.

Главный предмет гордости Абдуллы – непроницаемость, никогда не покидающая его физиономию. В тот день он будто специально демонстрировал нам эту свою особенность. Едва шевеля тонкими губами, Абдулла важно ответил на мой вопрос:

– Я не позволяю себе думать, достопочтенная госпожа, пока это не потребуется мне самому или Эмерсону.

Сообразив, что гордость нашего друга задета, я мягко сказала:

– Мы поручили англичанину приглядывать за Рамсесом не потому, что нас не устраивает твой сын Селим. Просто Селим – слишком ценный работник, чтобы превращать его в няньку. К тому же англичанин нуждался в помощи.

Абдулла улыбнулся:

– Понимаю, госпожа. Помощь ближнему – дело, угодное Аллаху. Все знают, какое у вас доброе сердце. Только известно ли госпоже, что этот человек – курильщик опиума?

– Я собираюсь отучить его от этой недостойной привычки.

Абдулла разгладил свою шелковистую бороду.

– Сделать это непросто. Но если кто и способен исправить неисправимого, так это вы, госпожа.

– Спасибо, Абдулла. Ты уж объясни все Селиму, чтобы не расстраивался.

– Нет, госпожа, – сказал Абдулла задумчиво, – Селим не расстраивается.

– Вот и славно. Я хотела узнать, не встречал ли ты этого англичанина раньше. Подумай хорошенько.

Но от Эмерсона приказа думать не поступало, а сам Абдулла не собирался себя утруждать, поэтому ответ прозвучал незамедлительно:

– Нет, госпожа, не встречал.

Вспомнив события не такого уж далекого прошлого, я сообразила, что Абдулла не мог созерцать Гения Преступлений в его последней ипостаси, ибо был усыплен и пропустил самое интересное. Зато он неоднократно наблюдал Гения Преступлений в облике отца Гиргиса.

– Ты уверен, Абдулла? Помнишь священника из Дронкеха?

– Как же мне его забыть! Ведь он...

И Абдулла застыл с разинутым ртом и вытаращенными глазами. Потом его плечи задергались, из горла вырвалось клокотание, словно на него накинута удавка. Не будь у меня опыта, я бы приняла это за приступ веселья. Но опыт у меня был, и богатый. Поэтому я поспешила его успокоить:

– Тревожиться пока не о чем, Абдулла. Но я рада, что ты тоже проявил проницательность и разглядел негодяя, как он ни старался замаскироваться...

– Нет-нет! – Абдулла пришел в себя. – Вы неправильно меня поняли, госпожа. Просто я закашлялся – наверное, пыль попала в горло. Неужели меня подводит слух или с возрастом начинает хуже соображать голова? Уж не хотите ли вы сказать, что этот англичанин – тот самый человек, который...

– Напомни мне, чтобы я дала тебе микстуру от кашля. Но уши у тебя, Абдулла, в порядке, как и голова. Не то что у этого зарвавшегося субъекта, потерявшего всякую осторожность... Заметь, Абдулла, я не называю имен.

– Невозможно, госпожа! Это совершенно разные люди.

– Огромная черная борода и длинные черные волосы были фальшивыми...

– А глаза, госпожа? Священник был черноглазым, а этот голубоглазый.

Напрасно я понадеялась на проницательность Абдуллы. Да и что взять с мужчины?

– Сейчас у меня нет времени на подробные объяснения. Просто понаблюдай за ним, Абдулла. Лучше пусть он останется с нами, под присмотром, чем исчезнет в пустыне и снова начнет плести против нас заговоры. Главное, не доверяй ему.

– Слушаю и повинуюсь, госпожа, – ответил Абдулла,

недоверчиво кривя рот.

– Я на тебя полагаюсь, Абдулла. Прости, не могу больше стоять без дела.

Ослы уже были навьючены, но перед отправлением нужно поприветствовать каждого работника отдельно, чтобы никто не обиделся. Все они были нашими старыми знакомыми, в большинстве – сыновьями Абдуллы (я уже упоминала о его редкостной плодовитости). Самый юный его отпрыск – пятнадцатилетний Селим, ни дать ни взять древнегреческий красавец на вид. Я поздравила юнца с недавней женитьбой, хоть и не одобряю восточный обычай столь рано подвергать молодежь невзгодам супружества. После поздравлений я объяснила Селиму, что нашла для Рамсеса другого телохранителя.

Селим отвечал, что совсем не возражает против этой замены. Возможно, он и огорчился, но заметить это было трудно. Юноша помог мне забраться в седло и некоторое время шел рядом, со смехом вспоминая Джона – нашего лакея, сопровождавшего нас годом раньше. Джон был тогда самым популярным персонажем в экспедиции, и Селим порадовался за него, узнав, что и он успел жениться. Не исключено, что я спутала радость со злорадством собрата по несчастью.

Наш маленький караван устремился по тропе, ведущей в западном направлении. После разлива Нила на полях лежала смрадная, зато чрезвычайно плодородная черная грязь, из которой уже проглядывали зеленые росточки. Путь ле-

жал вдоль насыпи, ограждающей поля, в направлении деревни Меньят-Дахшур – туда, где обрабатываемые земли резко сменяются безжизненными песками.

Возглавлял караван, как водится, Эмерсон, взгромоздившийся на крохотного ослика. Если бы он выпрямил ноги и встал, они с осликом вышагивали бы на пару. Но Эмерсон не замечал этой вопиющей несообразности: в такие минуты он воображает себя рыцарем на могучем скакуне, ведущим в бой несокрушимое войско. Было бы попросту бесчеловечно портить ему удовольствие замечанием, что мужчина шести футов ростом выглядит верхом на осле на редкость потешно.

Следом за предводителем ехал Рамсес, оживленно болтавший с Немо. Тот отказался от скакуна и просто шагал рядом, то и дело забегая вперед и останавливаясь. Я была бы не прочь узнать, о чем они беседуют, хотя для Рамсеса обычно важна не тема, а сами разглагольствования.

Впрочем, караван привлекал мое внимание недолго: вскоре я увлеклась открывшейся взору картиной. На горизонте высились две огромные каменные пирамиды. Лучи полуденного солнца отражались от их известковых граней, так что пирамиды казались облитыми жидким серебром. Обе принадлежат к числу древнейших погребальных сооружений Египта, построенных даже раньше прославленных пирамид Гизы. Та, что повыше, уступает в высоте только пирамиде Хеопса. Раскопки мсье де Моргана доказали, что ее возвел фараон Четвертой династии Снофру. Мы с Эмерсоном

давно об этом догадывались.

Что до второй каменной пирамиды, то имя ее строителя до сих пор неизвестно. Это как раз та загадка, которую мы намеревались разрешить предстоящей зимой. Но, помимо этой загадки, вторая каменная пирамида таит множество других. Слишком велико ее отличие от всех прочих пирамид. Взять хотя бы своеобразие очертаний. Угол наклона ее граней непостоянен: в нижней части он равен приблизительно пятидесяти четырем градусам, а в верхней, если меня не подводит память, – сорока двум градусам пятидесяти девяти минутам. Поэтому пирамида наречена Ломаной. Чем объяснить эту странность? И в чем причина зловещих сквозняков, которые свищут в ее темных и душных коридорах?

Но еще сильнее меня завораживают внутренние казематы пирамид. Непроглядная тьма, безмолвие, духота, хлопанье крыльев летучих мышей – все это приводит меня в восторг, который нельзя сравнить ни с чем. Я поклялась, что проведу внутри Ломаной пирамиды много блаженных часов, чтобы найти источник то и дело возникающих в ее проходах порывов ветра.

Увы, на помощь Эмерсона рассчитывать не приходилось. Он понимает мою страсть к пирамидам, но не разделяет ее и пренебрежительно относится к теории о потайных отверстиях и камерах внутри Ломаной пирамиды. И не обращает внимания на мои уверения, что я сама чувствовала загадочные сквозняки.

«Это все летучие мыши, Пибоди! – твердит он. – Стая летучих мышей дружно хлопает крылышками и гасит твою свечку. Хорошо, что у тебя такое богатое воображение, это одно из твоих наиболее симпатичных качеств. Но...»

Эмерсон – чрезвычайно упрямый египтолог: если что-то вобьет себе в голову, то его абсолютно бесполезно переубеждать. Оставалось надеяться, что он почувствует открытый мною феномен на собственной шкуре. Ради этого я даже была готова надолго – пока не потянет сквозняком – сделать его узником пирамиды.

Своей задачей на предстоящий сезон он поставил узнать имя строителя Ломаной пирамиды. В пирамидах Шестой династии погребальные камеры покрыты надписями, позволяющими идентифицировать их владельцев, однако более ранние захоронения почему-то напрочь лишены надписей как снаружи, так и внутри. Узнать имена царей, для которых эти пирамиды возводились, можно только из находок в окрестных развалинах.

* * *

Путь наш лежал мимо деревни – домиков с плоскими крышами, мечети с минаретом, пальм и тамарисков. Мне не терпелось увидеть жилище, которое подобрал для нас Абдулла. Я готовила себя к худшему. Когда я познакомилась с Эмерсоном, он проживал в каменной гробнице. Опыт доказыва-

ет, что мужской пол вообще придерживается своеобразных стандартов по части удобств и чистоты. Зато в прошлом сезоне наше жилище в Мазгуне – заброшенный древний монастырь – заслуживало всяческих похвал. Я сумела создать там необходимый уют. Увы, хотя Мазгуна и находится всего в нескольких милях к югу, мы не могли себе позволить дважды в день преодолевать это расстояние, теряя драгоценное время и силы.

Но как ни умеренны были мои ожидания, прибыв на место, я испытала разочарование. Жить нам предстояло на краю деревни, можно сказать уже в пустыне. Утоптаный двор окружала глинобитная стена. Во дворе теснились постройки, достойные именоваться в лучшем случае хижинами и сараями. Одна из них как будто претендовала на звание дома, хотя это, конечно, чересчур громко сказано. Стены одноэтажного строения были сложены из «кирпичей», вылепленных (лучше не гадать из чего) прямо на месте строительства и скрепленных грязью вместо раствора. На плоской крыше громоздилась какая-то рухлядь – скорее всего, сгнившие ширмы. Судя по состоянию окружающей двор стены, ее пытались впопыхах подновить, причем не успевшая высохнуть штукатурка свидетельствовала, что эти тщетные попытки были предприняты совсем недавно.

Абдулла оказался на месте раньше меня. Я застала его за беседой с Эмерсоном, но египтянин притворился, будто не замечает меня. Пришлось похлопать его по плечу.

– Вы уже здесь, госпожа? – удивился Абдулла, словно надеялся, что я потеряюсь по пути. – Видите, какой хороший дом? Я даже велел подмести все комнаты.

Да, за такой подвиг полагается орден – не знаю уж, какими орденами награждают в этой стране самоотверженных подметальщиков. Упрекать Абдуллу было бессмысленно: он сделал все, что мог, хотя, по моим понятиям, не сделал почти ничего. Эмерсон вряд ли его превзошел бы.

Я заранее знала, что мне придется в буквальном смысле засучить рукава. Работа нашлась всем. Одни натаскали воду из колодца, благо он оказался совсем рядом; другие продолжили штукатурить самые безобразные участки стены, третьи щедро посыпали помещения порошком Китинга – самым сильным из всех дезинфицирующих средств.

Дом был разделен на четыре комнатухи, но мне хватило одного взгляда на узкие высокие окна и земляные полы, чтобы убедиться, что на роль спальни не годится ни одна. Это означало, что нам придется ночевать на крыше. После того как оттуда были сброшены остатки старых ширм, крыша приобрела довольно симпатичный вид, не то что тюремные камеры, почему-то именуемые комнатами.

Двум камерам все-таки нашлось применение: там предстояло жить Рамсесу и мистеру Немо. Последний мигом перестал ухмыляться, получив от меня швабру.

К вечеру дом стал более или менее пригоден для жилья. В деревне были приобретены новые ширмы для крыши и

прочие необходимые мелочи. Но передохнуть было некогда: к нам шли и шли гости с «подарками» – яйцами, молоком, хлебом, цыплятами, – за которые почему-то ожидали платы.

В сумерках я наконец велела затворить тяжелые деревянные ворота и впервые за день перевела дух. Любопытство деревенских жителей – понятная вещь, но постоянное хождение взад-вперед могло впоследствии привести к исчезновению ценных археологических находок, ждать которые оставалось уже недолго.

Одним все же дом был хорош: с веранды открывался вид на пирамиды. За ужином мы наслаждались их силуэтами на фоне волшебного заката – одной из главных приманок этих мест. Трапеза происходила на свежем воздухе. Свежим его, конечно, можно было назвать только с большой натяжкой из-за сильного аромата, издаваемого незаменимой выючной скотиной, то есть ослиами, но в доме воняло еще сильнее – чудодейственным порошком Китинга.

Немо принял мое приглашение поужинать с нами, но не потому, что ему нравилась наша компания, просто египтяне дали понять, что возражают против его присутствия. За стол он все же не сел, устроился прямо на земле, подоткнув под себя полы измызанного халата. Ел не вилкой, а руками, а потом вытер их о собственное одеяние. На первый раз я смолчала, хотя уверена, что мистер Немо проделал все это намеренно – чтобы меня позлить.

Сперва разговор не клеился. Эмерсон строил планы на

завтрашний день. Немо старательно скрывал от нас остатки воспитанности, даже я от утомления больше помалкивала. За всех разглагольствовал Рамсес. Наш сын – неугомонный говорун, предпочитающий именно монологи. Сначала он в красках описал повседневную жизнь наших работников: свадьбу Селима, развод Абдуллы, рождение близнецов у Юсуфа и появление трехголового козленка в соседней деревне (такие чудеса всегда случаются в соседней деревне, а рассказы-вают о них надежные люди, с которыми, увы, никто лично не знаком).

Затем Рамсес перешел от частных к обобщениям и вкратце, то есть за какой-то час, поведал о деятельности Абдуллы и его бригады в Дахшуре на протяжении лета. Обычно я спешу заткнуть Рамсесу рот, но сейчас не стала его перебивать, потому что увлеклась возней в доме и пропустила все новости.

Мы бы не удивились, если бы узнали, что на нашем участке успели порыться воры. Прошлой зимой банда профессиональных грабителей под предводительством загадочного субъекта, которого я то и дело поминаю, попыталась было обчистить захоронения рядом с пирамидами. Мы сорвали их замысел, но я опасалась, как бы в наше отсутствие мошенники снова не нагрянули. Схожие замыслы вынашивали и деревенские воры-любители – если только можно назвать любителем египетского кладбищенского вора. Крестьяне промышляли этим делом из поколения в поколение с самых фа-

раоновых времен, так что многие из них дадут фору по части нюха на потайные склепы иному археологу-профессионалу. Из-за бедности и отсутствия национальной гордости после многовекового турецкого господства египтяне считают себя вправе поживиться за счет сокровищ предков.

Тем не менее Абдулла утверждал, что на нашем участке обошлось без незаконных раскопок. Он и сыновья по очереди несли караул, специально наведываясь сюда из родной деревни к югу от Каира.

Рассказу Рамсеса не было видно конца, но Немо, как я заметила, слушал его с возрастающим интересом, не то что предшествовавшую хронику феллахской жизни. Наконец я решила вмешаться:

– Вижу, вас заинтересовала деятельность грабителей гробниц, мистер Немо. Разве вы не знали, что в Египте это распространенный промысел?

– Об этом узнаешь, даже если провел в Каире пару дней, – ответил он безмятежно. – Там все торговцы древностями продают краденое.

– А сами вы не испытывали соблазна этим заняться?

Улыбка Немо была такой же нахальной, как и его ответ.

– Чтобы копать, надо прикладывать усилия, миссис Эмерсон, а я принципиальный противник физического труда. Что касается подделок, то я загнал невежественным туристам уйму фальшивых скарабеев. Их изготовлял один мой знакомый умелец.

Упоминание о скарабеях вывело Эмерсона из задумчивости. Я думала, он заклеямит нахала позором, но он лишь сказал:

– Мне фальшивок лучше не подбрасывать, Немо. Не пакостите на моем участке! Меня не проведешь.

– Я бы и не стал рисковать, профессор.

– Так-то лучше. Кстати, об участке: я бы не прочь прогуляться и освежить в памяти, где тут... Словом, что здесь к чему. Составишь мне компанию, Пибоди?

Причин согласиться было предостаточно, хотя хватило бы и одной многозначительной улыбки Эмерсона. Совсем скоро пустыню должна была осветить луна, а каждый грамотный британец помнит учение национального поэта Шекспира о том, зачем нужны лунные ночи. Однако я знала, что даже самое верное учение не всегда применимо. За нами обязательно увязался бы Рамсес, а у меня не было повода ему отказать – не загонять же его в постель в такую рань? Компания же нашего сына лишала прогулку смысла.

Конечно, я не могла привести свои доводы вслух, поэтому воспользовалась другим, совершенно несокрушимым:

– Как ты можешь предаваться праздности, Эмерсон, когда у нас впереди столько дел? Надо еще распаковать вещи, привести в порядок твои бумаги, собрать аптечку...

– Проклятье! – закончил за меня Эмерсон. – Что ж, полагаю, ты обойдешься без меня.

– Мне как раз очень помогло бы твое...

– Нет, я лучше прогуляюсь. Идем, Рамсес.

– Спасибо, папа. Я надеялся, что ты меня позовешь, но собирался попросить разрешения, даже если бы ты не нашел нужным...

– Твои надежды оправдались, – подытожил Эмерсон.

Немо встал с земли.

– Вы нам без надобности, – сказал ему мой учтивый муж. – Я сам пригляжу за Рамсесом.

– Я бы предпочел... – начал Немо.

– Зато мне вы нужны позарез, – встряла я.

– Но, профессор...

– Миссис Эмерсон, в отличие от меня, готова найти вам применение, молодой человек. «Делу время, потехе час» – вот ее девиз. – И Эмерсон прожег меня взглядом.

Немо снова шлепнулся на землю и сердито насупился. Я дождалась, пока мое семейство скроется за глинобитной стеной, и сказала с задумчивым видом:

– Я бы не отказалась от глоточка виски, а вы, мистер Немо?

От неожиданности он разинул рот.

– Прошу прощения?

– Загляните в дом. На столе найдете бутылку и рюмки. Принесите, будьте так добры.

Он послушался. Я наполнила рюмки, чувствуя его удивленный взгляд.

– За Ее Величество! – сказала я, поднимая рюмку. – Хра-

ни ее Господь!

– За королеву... – отозвался он растерянно и тоже поднял рюмку.

Курильщики опиума обычно не могут похвастать аппетитом. Съел Немо очень мало, и спиртное подействовало на него почти мгновенно. Как я и надеялась, ритуал, которому привержены англичане обоих полов, сказался на нем благотворно: ему сразу опротивело сидеть на земле, и он взгромоздился на стул.

– Я не пробовал виски уже много месяцев, – пробормотал он.

– Хорошее виски – лучшее лекарство! – заявила я. – Ничто так не лечит усталость и легкие нервные расстройства. Разумеется, неумеренные возлияния я не одобряю, но почему не выпить немного в приятной обстановке? Разве это сравнится, например, с опиумом?

Немо опустил голову:

– Так я и знал! Избавьте меня, пожалуйста, от нотаций, миссис Эмерсон. Не надо зря тратить свое и мое время.

– Мы еще не обсудили условия вашего найма. Не надейтесь, что я позволю вам услаждать себя наркотиками во время работы. Охрана Рамсеса требует неусыпного внимания и неутомимой энергии.

Молодой человек опустил голову еще ниже:

– У меня не осталось ни того, ни другого.

– Глупости! Вчера вечером эти качества у вас еще были.

Когда вы успели их растерять? Я ведь не требую от вас полного отказа от пагубного пристрастия. Просто воздерживайтесь от наркотиков, пока сторожите Рамсеса. Или это невозможно?

Немо промолчал, но мне показалось, что он подобрался. Я продолжила убедительным тоном:

– Один день в неделю вы будете свободны. Это, конечно, неслыханный либерализм, но я известна своей щедростью. В выходной можете хоть целый день пребывать в трансе, хоть мычать, уподобившись животному, если иначе вам нельзя, но в остальное время извольте оставаться человеком. Я с радостью выделю любое количество виски, если это...

Я не договорила: его плечи задергались, в горле клокотало рыдание. Как трогательно! Выходит, я разбудила в этом бродяге чувство собственного достоинства. Он пал не так низко, как я опасалась, и его еще можно возродить, отучить от губительной привычки и вытащить из сетей Гения Преступлений! Это было бы замечательным достижением, настоящим подвигом. А на подвиг я готова денно и ночно.

Пока я предвкушала подвиг, Немо поднял голову. Лучи заходящего солнца еще больше заострили его черты, на щеках блестели слезы.

– Миссис Эмерсон... – Он так расчувствовался, что больше ничего не смог сказать, только сделал глубокий вдох. Не знала, что в такую худосочную грудь может поместиться столько воздуха. Вот как я действую на людей!

– Я все понимаю, мистер Немо! Больше ничего не говорите. Вернее, скажите одно: что постараетесь.

Он молча кивнул.

– Может, еще виски? – предложила я, берясь за бутылку.

Такого великодушия мой пациент не ожидал. Вскочив с протяжным стоном, он скрылся в доме.

Пришлось мне выпить еще рюмочку в одиночестве. Согласитесь, я заслужила награду: сеанс внушения прошел лучше, чем можно было предположить. Размышляя о судьбе молодого человека, я упустила из виду повадки крупных преступников: они увлекают в свои подлые сети богатых и бедняков, грешников и праведников. Неискушенный Немо совершил, как видно, какой-то вполне невинный проступок и стал жертвой шантажа ГП (не твердить же все время «Гений Преступлений», тем более что я не слишком верю в его гениальность!). Теперь цель бедолаги Немо – вырваться из капкана и вернуться в порядочное общество.

Увлечшись этими приятными размышлениями, я не заметила, как короткие сумерки сменила лунная ночь. Из хижины, где обитали наши работники, доносился смех. Я вспомнила, что меня ждут дела. Что ни говори, а мечтать о спасении заблудших куда интереснее, чем хлопотать по хозяйству...

Комнату попросторнее я превратила в гостиную и одновременно в кабинет. Поставила в ней раскладные кресла, печурку, пол застелила разноцветными восточными коврика-

ми. Оставалась сушая мелочь: распаковать полдюжины ящиков. Начать следовало со своей аптечки, так как уже на заре к нашим дверям потянутся страждущие. В этом краю, вдалеке от больших городов, с докторами знакомы смутно, а о больницах вообще не слыхивали, поэтому в деревне любого европейца принимают за врача. Этой деревне повезло: сюда нагрянула я.

Вскоре с прогулки вернулись Эмерсон с Рамсесом и стали наперебой рассказывать об участке. Я быстро прервала их словоизвержение, не найдя в нем никакого смысла, и отправила Рамсеса спать. Бастет засыпать не собиралась, но не стала возражать, когда Рамсес снял ее с ящика, который она обнюхивала, и унес к себе.

– Опять виски, Пибоди? – свирепо спросил Эмерсон. На дне бутылки действительно еще осталось примерно на полрюмки. – Сколько ни пугай тебя вредом спиртного, все как об стену горох!

– На сей раз не стану винить тебя за попреки. Ты ведь не знаешь, что я проводила эксперимент. Между прочим, результаты самые утешительные! Наш Немо – разжалованный офицер. Раньше он состоял на службе Ее Величества, но потом...

– Сделай милость, Пибоди, уймись! Ты что, напоила бедолагу и вытянула признание?

Я объяснила, что к чему. У Эмерсона было хорошее настроение, и он, вопреки привычке, выслушал меня, ни разу

не перебив. Затем насмешливо спросил:

– Значит, реакции на один-единственный банальный тост тебе достаточно, чтобы сочинить целый послужной список?

– Нет, это стало последней каплей. По всему видно, что он офицер: осанка, манеры, речь.

– А что, вполне возможно... У меня самого брезжили такие подозрения.

– Кто бы сомневался!

– Знаю, знаю, я всегда предвосхищаю твои догадки, – сказал Эмерсон добродушно. – Но ты, Пибоди, отвечаешь мне тем же, признайся! На этот раз я не стал тебе мешать, но вывод напрашивался с самого начала. К сожалению, так случается сплошь и рядом, и что тут удивляться. Забрось неопытного юнца в чужие края, полные экзотических соблазнов, внуши ему, что он – высшее существо, повелитель аборигенов, что все женщины будут принадлежать ему, – а потом пусть задыхается среди мужчин своей расы, да еще затянутых в форму...

Эмерсона хватило надолго. Он постоянно размышляет на эту тему и слишком часто донимает меня своими умозаключениями. На сей раз я позволила ему выговориться, поскольку, промучившись часок, могла рассчитывать потом на долгий перерыв. Хотя тема занимала Эмерсона всерьез: он даже отказался отдать Рамсеса в школу. Тут я с ним согласна, мне тоже не нравится образовательная система, основанная на разделении полов и недооценке умственных способностей

женщины.

Наконец оратор утер пот со лба:

– Я рад, Пибоди, что ты избавилась от своих дурацких страхов и больше не считаешь Немо пособником Гения... словом, преступником.

Я усмехнулась про себя, но ничего не ответила. Эмерсон обожает скандалить, и я, признаться, тоже. У меня даже есть на этот счет свежая метафора: споры – это перец в пресном супе супружества. По-моему, в самую точку.

Но хорошенького понемножку. После такого беспокойного вечера необходим полноценный отдых. Оказывается, эта же мысль пришла в голову и моему ненаглядному.

– Пибоди, – он понизил голос, – тут по соседству, в скале, есть симпатичное углубление. Если натянуть над ним брезент и немного прибраться – вы, женщины, без этого все равно не можете, – то лучшего места для... гм... сна нельзя представить.

– И кто же там будет спать?

Стоя к нему спиной, я услышала скрип кресла, потом слоновий топот: это Эмерсон решил подкрасться ко мне на цыпочках.

– А ты как думаешь? – прошипел он мне в ухо, обнимая за талию.

Он поцеловал меня в шею, потом чуть ниже, потом...

Как ни интересно было проследить, куда же приведет эта траектория, я сделала над собой усилие и сурово сказала:

– Всему свое время. У меня еще два нераспакованных ящика.

– Ящики подождут до утра.

– Вдруг в них как раз то, что нам понадобится утром? Чайник куда-то запропастился... Прекрати, Эмерсон! Ты меня отвлекаешь!..

Засим последовало длительное молчание. Потом моего слуха достиг какой-то звук: то ли скрип, то ли шорох. Эмерсон тоже встрепнулся и проворно отпустил меня. Я кое-как привела в порядок платье и оглянулась. В дверях никого не было, но это ничего не значило: Рамсес наверняка за нами подглядывал. Хорошо, что он всюду таскает с собой кошку. Бастет не очень разбирается, когда можно урчать, когда нет, поэтому выдала его с головой в самый ответственный момент и заставила улизнуть.

Ловить Рамсеса было бессмысленно, как и продолжать прерванное занятие, поэтому я молча вернулась к делам. Эмерсон, верный своей привычке, выместил раздражение не на истинном виновнике, а на первом, кто подвернулся под руку. Чаще всего мужу подворачивается под руку жена – не в этом ли суть супружества?

– Надо же столько возиться, Амелия!

– Если бы ты помог, дело пошло бы быстрее.

– Могла и попросить. Женщины всегда так: воображают, что у мужчины нет других забот, кроме как угадывать их глупые мысли.

– Не требуется большого ума, чтобы понять...

– А потом еще скулят и жалуются...

– Когда это ты слышал, чтобы я скулила?

– А потом устраивают крик...

– Крик?! Как ты смеешь, Эмерсон?!

– Нет, как ТЫ смеешь, Амелия?!

Выдохлись мы разом и замолчали, чтобы отдышаться.

– Ты права, Пибоди, – сказал Эмерсон как ни в чем не бывало. – А-а... узнаю этот пакет: в нем новый чайник, который я купил на каирском базаре. Старый-то я помял в прошлом году, когда треснул им кобру.

– Удивительно, но про случай с коброй я совершенно забыла. А что здесь?

– Понятия не имею. Наверное, Абдулла что-то привез из Мазгуны.

Эмерсон вытащил из кармана складной нож и принялся перерезать веревки на пакете с чайником. Торговцы на базаре знакомы только с двумя способами упаковки: либо обходятся одной бумагой, так что сверток разваливается через минуту, либо усердно обматывают вашу покупку невероятным количеством веревок. Последнее происходит чаще всего в том случае, если торговец догадывается, что вы живете в двух шагах.

Пакет, который я осматривала, относился ко второй категории. Пришлось попросить у Эмерсона нож. Он как раз распаковал чайник и стопку кастрюль.

– Посмотри-ка!

Не знаю, как Эмерсон не уронил всю эту груду железа. Мгновение – и он уже стоял рядом со мной. Он знаком со всеми моими интонациями и знает, когда я шучу, а когда хрипну от удивления.

– Что там, Пибоди?

Он сунул нос в коробку. Я отодвинула верхний слой соломы. В мягком свете лампы блеснул изогнутый бок какого-то сосуда.

Эмерсон потянулся к нему, но я с криком оттолкнула его руку:

– Осторожно!

– Брось, Пибоди! Подумаешь, старый котелок... Правда, он из... – Эмерсон затаил дыхание. – Из серебра!

– Дело не в котелке, но вдруг в соломе прячется скорпион, змея или ядовитый паук? Где твои рабочие перчатки?

Как ни странно, перчатки нашлись там, где им полагалось быть, – в кармане плаща. Я хотела сама натянуть перчатки, но Эмерсон отнял их у меня. Я дрожала от волнения, пока он не извлек все предметы до последнего и не вытряс на пол всю солому.

– Ни пауков, ни змей! – Он разбросал солому носком сапога. – Наверное, ты знаешь что-то такое, чего не знаю я. Объясни, Пибоди, почему ты считаешь, что среди наших вещей обязательно должны ползать ядовитые гады, и откуда у тебя древние сосуды из... Нет, только не это! Не говори мне,

что...

– Зачем говорить, раз ты сам понял?

Обычно я не реагирую на вспышки Эмерсона: лучше пускай вымещает свое раздражение на древних сосудах, чем на мне. Но на этот раз ситуация была слишком серьезной, чтобы разыгрывать театральные представления. Меня охватил страх, даже ужас, словно нас накрыла чья-то зловещая тень.

– Да, это чаши для причастия, похищенные из церкви Ситт Мириам в Дронке. И похитил их все тот же злодей, бессовестный негодяй...

Я ждала, что Эмерсон возмутится моей терминологией, но он лишился дара речи. Красный как рак, он не сводил с меня вытаращенных глаз.

– Гений Преступлений! – торжественно закончила я.

Глава 4

I

Эмерсон еще ни разу не видел этих самых чаш для причастия. Будучи принципиальным противником всех организованных культов, он не переступает порога церквей, мечетей и синагог. Пришлось ему поверить мне на слово. Чаши, украденные из церкви в Дронке, представляли большую ценность, так как пришли из глубины веков. Как богохульственно выразился сам Эмерсон, под ногами такие не валяются.

– Но зачем было их возвращать? – воскликнул он и тут же просиял. – Погоди... Кажется, я догадался! Похититель – не твой чертов Гений Преступлений, а вор-любитель, поддавшийся соблазну и решивший, что вину можно будет свалить на Гения, будь он неладен. Потом воришка раскаялся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.